

Допрос с пристрастием

Автор:

[Федор Березин](#)

Допрос с пристрастием

Федор Дмитриевич Березин

Зона Смерти

На пустошах Пятизонья лучше не оставлять следов. Но попробуй не наследи, если на тебе высокотехнологичные «сто одежек», самой простой из которых является кевларовый бронежилет. И все это вместе с тобой упаковано в роботизированный экзоскелет, оснащенный новейшим стрелковым оружием. И все-таки в Пятизонье лучше не следить, тем более не разбрасывать монеток на удачу, мало ли кто пройдет после тебя. Сталкеры Глюк и Ведич хорошо это знали и считали, что лучше нарушить традиции, чем подвергать себя излишней опасности. Ведь заботились они не только о собственной шкуре, но и том, чтобы помочь талантливому ученому Квароду из лаборатории Ковчега вырвать у Зоны ее главную тайну. Тайну стремительной эволюции смертоносного Техноса.

Федор Березин

Допрос с пристрастием

© Березин Ф., 2010

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1. Пиршество

Новосибирская зона. Декабрь 2052 года

- Монетку видишь?

- Само собой.

- Не скушал ее кустик...

- Плохая примета, да, Ведич?

- А что, разве хорошая?

- Дурацкая... В смысле, обычай дурацкий. Вот не принял ее автон, и остался на тропке след. Прошлепали тут какие-то умники, и мы об этом знаем. Только пока не знаем - кто.

- Сейчас узнаем, Глюк. Подберу я монетку.

- Поосторожней руки суй. Знаешь...

- Я весьма внимателен, Глюк. Ловушек нет. Вот... Оп! Интересная, кстати, монетка. Ненашенская.

- Слушай, нумизмат. Время теряем. Приспичило чужую мелочь разглядывать?
- А монетка все ж не российская. Крона вроде. Картель, что ли, тут прошел?
- Они б еще визитки свои оставили. Придурки. Всё, Ведич! Топаем дальше.

Сталкер по прозвищу Ведич приподнялся. И сразу сделался очень высоким. Непропорционально высоким. Ноги у него были похожи на конечности кузнечика. Ведич извлек руку из бронеперчатки, перехватил иностранную монету голыми пальцами. Монета была холодной, как и все окружающее пространство.

Это пространство контролировал его напарник, тоже много лет назад потерявший первоначальное имя и получивший кличку Глюк. Он также был до странности высок. А когда поворачивался, амортизаторы механических ног чуть качали его торс, будто автомобиль на рессорах. Правда, даже со всей оснасткой, весил он все же меньше автомобиля. На нем всего-то и было надето, что обычное белье, кевларовая майка, тонкий свитер-поддевка, еще один – толстый, ручной вязки, кевларовая кольчужная жилетка и военная спецовка без знаков различия, в карманах которой было полно всякой всячины. Поверх всего этого – войсковая обновка универсального характера, умеющая менять окраску, согревать, не пропускать внутрь ядовитые газы, и еще многое, необходимое для сохранности сталкерской жизни. Дальше шла дополнительная жилетка, заполненная бронепластинами. Ну, а уже эта капуста была вложена в роботизированный экзоскелет. Именно он удлинял ноги, приспособляя их для сверхбыстрого, но бесшумного бега. Само собой, экзооснастка утяжелялась не только сервомоторами, но и навесными бронеплитами, дымовыми шашками, пеленгаторами, а также целым арсеналом переносного оружия. Вот сейчас сталкер Глюк легко поводит по сторонам тяжелым импульсным пулеметом системы Карташова. Так, на всякий случай.

Его напарник упрятал подобранную монетку где-то внутри собственной многослойной кожуры, сунул руку в бронированную сенсорную перчатку, поближе к курковому механизму своего оружия. И снова бесшумно двинулся вперед. По договоренности с напарником, сейчас Ведич шел в авангарде их маленького отряда.

– Я надеюсь, мы-то не будем скармливать кустарнику мелочь, да? – спросил Глюк.

– Не стоит, – откликнулся Ведич. – Дело у нас чрезмерно серьезное. Надеюсь, Зона простит нам неуважение к традициям.

Им действительно предстоял долгий путь, на котором наверняка придется встретить не только брошенные на удачу монетки, но и кое-что похуже. Наследить было крайне нежелательно. Потому даже разлапистые ступни тяжелых экзоскелетов не оставляли отпечатков. А каким образом – неведомо. Какая-то хитроумная технология.

– Стоим! – неожиданно скомандовал Ведич. – Микромехи, ё-мое!

Сам он наклонился и сфокусировал глазные имплантаты. Теперь он видел маленьких роботов через увеличитель. Микромехи шли колонной по одному. Спешили куда-то. Колонна вытекала прямо из снежного сугроба, пересекала просеку между автонами и взбиралась на следующий сугроб. Маленькие – размером с таракана – роботы были, как близнецы. А вот под увеличением каждый из роботов отличался от другого. К их спинам и лапам было приделано совершенно разное оборудование.

– Торопятся куда-то, – пояснил Ведич очевидное. – Давай прихватим в контейнер пару штук? Вдруг новые виды, и за них чего-то дадут?

– С тобой не соскучишься, – сказал позади Глюк. – То монетки, то тараканы механические!

– Мне что же, с закрытыми глазами идти? – поинтересовался Ведич.

– Направление движения этой дряни пометил? – спросил напарник, почти зевая.

– Еще бы, – кивнул Ведич.

Если бы кто-нибудь вслушался в разговор экипированных под завязку сталкеров, то мог бы решить, что они беседуют на лавочке в саду. Слишком спокойно они обменивались репликами. На чрезмерно отвлеченные темы болтали. Однако

говорили они все-таки странно тихо, как бы себе под нос. Учитывая, что дистанция между экзоскелетами достигала порой двадцати и более метров, в деле подразумевалось радио. Но сталкеры не засоряли эфир. Не стоило себя выдавать таким глупым образом. Их связывали имплантированные усилители звука, вживленные в ушные раковины.

Ведич достал контейнер-ловушку и магнитную удочку. Именно сейчас он разглядел очень интересного микромеха. Тот был резвым до жути. Явно мог двигаться быстрее своей колонны, но из общего строя не выходил. Свою подвижность робот расходовал на бессмысленные кружение и подпрыгивания на месте. Это было бы даже смешно, если бы сталкер не знал, как опасны мелкие твари. Они грозили бедой всему металлическому в округе, в первую очередь чужакам.

- К ногам не подпускай, - посоветовал издали напарник.

Глюк был прав. Сейчас Ведича спасал от нападения только давно известный, но все равно удивительный коллективизм микромехов. Если уж они шли куда-то с определенной целью, то сбить их с пути истинного было задачей нелегкой. Так что за свой титано-стальной экзоскелет Ведич мог пока не опасаться. Но все же забывать об опасности не стоило. Любой металл был для микромехов слаще сахара. Они грызли его, как семечки, а потом превращали в себе подобных. А иногда использовали для переделки самих себя в более крупную нечисть.

Напарник Глюк замер сейчас на приличной дистанции. Не стоило из-за остановки подвергаться опасности уничтожения одной плазменной гранатой. Расстояние между сталкерами равнялось примерно тридцати человеческим шагам, зато экзоскелет мог прыгнуть на такую дальность одним махом. С разгона - еще дальше. Конечно, если «пилот» не новичок. Но сейчас никто не требовал рекордов. Наоборот, передовой разведчик действовал с ювелирной точностью и неторопливостью.

Одной рукой он подвел к понравившемуся «жуку» магнитную удочку, другой - держал на весу ловушку. Как только микромех снова подпрыгнул, Ведич подал ток. Магнитное поле тут же ухватило добычу в невидимый кокон. Теперь сталкер сбросил его в приемник контейнера. Тут же в камеру ловушки потек жидкий гелий и микромех сразу замер, словно муха в янтаре.

– Идем дальше! – сказал Ведич, и отряд из двух сталкеров продолжил путь к своей цели.

Вскоре идущий впереди Ведич снова остановился.

– Тут опять микромехи, Глюк. Судя по направлению колонны, поток не параллелен предыдущей. Где-то впереди они пересекутся. Как думаешь, там может быть что-то интересное?

– Примерная дистанция? – поинтересовался Глюк.

– Километра два. Это если идти прямо через кустарник, – прикинул Ведич. – Твое мнение?

– Глянь на карту, – откликнулся Глюк. – Что у нас там?

– Пересечение с ответвлением тропы, так понимаю. – Ведич прищурился на развернутую перед глазами виртуальную карту участка Зоны. – Думаешь...

– Монетку помнишь? – перебил Глюк. – Может, там твои шведские «друзья»?

– Проверим?

– Да, надо бы. А то потом буду вечно мучиться, что же мы такое интересное прозевали. Идти придется через автоны. Ноги удлини.

– Спасибо за науку, ветеран Глюк. Сам бы я ни в жизнь не додумался, – усмехнулся Ведич.

– Кроме того, теперь моя очередь шагать впереди. Я правильно понимаю?

– Это всегда пожалуйста, Глюк. Молодым везде у нас дорога.

– Дистанцию уменьшим в полтора раза! – распорядился Глюк. В это время его экзоскелет уже перепрыгнул через первое скопление железных кустов.

Проскакать два километра в экзоскелете – это раз плюнуть. Но гнать по прямой не получалось. Из-за разросшихся автонов пришлось маневрировать. А еще, ближе к цели, сталкеры убавили мощность сервомоторов. Требовалось повысить бдительность и бесшумность. Да и вообще. Те, кто в границах Пятизонья всегда следуют по прямой дорожке, живут не слишком долго.

– Ты не ходи прямолинейно, поверь теории Эйнштейна! – прокомментировал данное правило Глюк. Он был абсолютно прав.

Но в любом случае через два километра напарники угодили на пиршество. В границах зон, за любой битвой обычно следует пир. Как вообще в природе. Той самой дикой природе, которую отсюда вытеснила Техносфера. Конечно же, у госпожи Техносферы и пиршества особые. Сейчас здесь обжирались, то есть потребляли металл в неумеренном количестве, именно те самые технонасекомые. Но водилось и кое-что покрупней.

Сталкеры уменьшили длину ног своих экзоскелетов. Они даже присели, прячась в автонах. Каждый осматривал окрестности при помощи маленького электронного перископа. Плюс ко всему информацию выдавали разнообразные датчики и имплантаты. Как у всякого опытного сталкера Пятизонья, этих приборчиков у обоих товарищей хватало. И потому они вполне четко улавливали окружающую картину.

Тут и там вдоль тропы валялись покореженные остовы порождений Техноса. Сейчас все эти обломки лап, панцирей, гусеничных треков и мелких оплавленных деталей обсели микромехи. Жрали они от пуза. Не остались без дела и металлокустарники. Автоны обильно ссыпали на железо свои споры – скорги. Те тут же вгрызались в железо, алюминий, титан и прочее бесхозное добро. Кое-какие попросту прорастали в нем. Некоторые оплетали жертвы и трансформировали во что-то свое. Точно узнать удалось бы, только досмотрев до конца. Но слишком много всего происходило вокруг, чтобы сосредоточиться на чем-то одном.

Это не было просто побоищем взбесившегося металлолома. По слухам, иногда бывает и такое. В конце концов, эволюция местной техносферы основана на естественном отборе. В условиях дефицита основы здешней жизни – металла сражения за него неминуемы. Но мало ли какие слухи бродят в Пятизонье? Мало ли, что рассказывают уставшие сталкеры, возвращаясь с хабаром и кутя напропалую?

Так вот сейчас датчики замечали повсюду биологические объекты. Увы, давно уже ясно, чьи останки это были. Только один биологический вид планеты Земля вновь и вновь пробирался в мертвый мир Пятизонья. Во все пять локаций, разбросанных по Евразии. Пробирался, плюя на гравитационные барьеры и все прочие препятствия.

Несмотря на внимательный обзор местности, обнаружить хотя бы одно целое тело не удалось. Только клочья. Оторванные руки, оторванные ноги, а то и просто куски плоти и костей. Для детального разбора тут потребовалась бы целая армия судмедэкспертов. Но их в Пятизонье никогда не водилось. Установить, что разорвало, испепелило, изрубило или распилило людей, не получалось. Не получалось выяснить даже, были ли жертвы растерзаны до, во время или после сражения. Может быть, сталкеров «разобрали на части» из-за их железной оснастки, когда они были мертвыми? Чтобы удобнее поглощать металл?

Конечно, мертвые тела всегда интересовали автонов. Они превращали их в ходячий ужас Пятизонья – сталтехов. Но сегодня металлическим кустарникам не повезло. Другие виды механической жизни искромсали трупы раньше.

К облегчению наблюдателей, с поля боя уже убрались самые опасные твари.

– Мавр сделал свое дело, и теперь мавр куда-то свалил, – сказал по этому поводу Глюк.

Ведич не ответил. Но ни ему, ни Глюку не стоило тут задерживаться. К месту пиршества прибывали новые и новые микромехи. Металла на всю ораву могло не хватить, и тогда...

Экзоскелет – это больше ста килограммов ценного для техносферы сырья.

– Делаем ноги, – тихонько произнес Глюк.

– Понял. Конец экскурсии, – согласился Ведич.

И они бесшумно растворились в снежной мороси.

2. Наемники (некоторое время тому назад)

Он посмотрел на этих двоих. Черт возьми! Но ведь ничего примечательного. Такие же, как его люди. Не супермены. Точнее, в меру супермены. Разболтанной, конечно. Наглее. Власти на них нет. Вернее, власть то есть. Но только в плане – отвести за угол и расстрелять. Можно даже не просто расстрелять, а пустить на опыты. Впарить им в нутро колонию скоргов и посмотреть, что будет. Посмотреть, как эти супермены запаникуют и запросят пощады. Хотя, может, и не запросят. А просто будут испепелять тебя взглядом до самого конца. Когда уж или труп бездыханный, или что-то новое, нечеловеческое, зарождающееся на глазах. И тогда все равно отмашку «Огонь!», ибо мало ли что?

Однако разве это полная власть! Настоящая власть, это когда ты высказался, да просто бровью повел – и сразу все вокруг забегали. Даже в атаку пошли на верную смерть. И не из страха, нет. Совсем не из страха. А из-за полной слитности с твоим замыслом, неиссякаемой веры в твою гениальность и в твою миссию. Хорошо, когда в тебя так верят. Не надо унижаться до каких-то доказательств, аргументов «за», «против». Ведь о чем свидетельствуют доказательства? О том, что всем можно вертеть и так, и эдак. Искать оптимальности, приближения, всякие прочие фишки... Какая здесь, к черту, вера? Где убежденность? А вера дает окончательную и бесповоротную истину. Попробуй доказать окончательную истину. Начнешь топтаться туда-сюда. Шаг вправо, шаг влево. Какая, к чертовой бабушке, тогда окончательность? За всяческие эти приближения никто добровольно голову не сложит. В атаку не ринется.

Тем не менее приходится унижаться до использования наемников. Почему его собственные люди не достигли нужной степени мастерства? Может, он не тех отстреливал? Или просто чрезмерно много? Ага, щас! Скорее, наоборот, мало. Но так, в конце концов, вообще никого не останется. А если у Ковчеха не будет массовой армии, Орден их сотрет. Однако массовость и качество, к сожалению, не всегда сочетаются. А вот у этих отморожков...

Недисциплинированных, разболтанных. У них почему-то есть это самое качество. Три экспедиции Ковчеха, посланные им лично за дрянью, нужной ученым, не вернулись с добычей. В принципе, вообще не вернулись. Не считать же возвращением появление двух несчастных оборванцев, дрожащих от ужаса.

Одного из них поместили в отдельную палату, потчевали таблетками, хотели узнать, что к чему, добром-лаской. Толку – ноль! Местами ничего не помнит, местами, видимо, помнит слишком хорошо и образно. Зрачки сжимаются в точку, начинает биться в истерике, выкрикивать что-то неразборчивое. Перепортил в этих припадках несколько ценных приборов, сломал кучу детекторов.

Поэтому с другим возвратившимся было сразу решено, не возиться. Тут же на интенсивный допрос. А почему нет? Толку от них более никакого. В Зону их не пошлешь, оружие не доверишь. А истину выявить требуется. Истина – она ведь для чего? Она ведь для общего дела. И ведь получился от допроса толк, правильно? Но благо, сам Хистер был не особо занят. Сам лично наблюдал процесс. А то бы чертовы помощнички скрыли все результаты. Правда, результатов по поводу самой экспедиции снова не выявилось. Там разведчик плохо видел, что стряслось. Там не успел ничего понять. Там все спуталось. То есть даже не может расставить по времени: «до» было или «после». Это по поводу гибели группы. Но зато какие подробности выявились по поводу внутренних дел в самом Ковчеге!

Оказывается, они куда на задание шли, болтали без умолку. И о чем? О том, о чем тут, в пределах новосибирской крепости, даже заикнуться бы побоялись. Обсуждали, оказывается, его, Хистера, приказы. Да что там приказы! Они даже его поступки анализировали. Искали объясняющие его поведение психические мотивы. Бред, конечно, насочиняли. Но такой бред, что пришлось почти незамедлительно тихонько дать команду на ликвидацию палача. Паренек был ничего, преданный. Но слишком много услышал неположенного по чину. С самим подопытным пришлось, само собой, тоже... Зато удалось провести в тесных рядах успешную чистку. Завелся нужный материалчик.

Вот и получается, что с точки зрения надежности, лучше полагаться на наемников. К тому же с ними проще. Лояльность проверять не требуется. Ее у них нет изначально. У них только одна струнка – корысть. Надо предложить им больше, чем кто-либо. Больше, чем они могут добыть при экспедиции в Пятизоне на свой страх и риск. То есть гарантированную плату за конкретную работу. Ковчег – организация стабильная, ему такое – раз плюнуть. Все ресурсы в одних руках – великое дело.

Потому сейчас Хистер смотрел на двух сталкеров-наемников спокойно. Он знал их слабое место, знал, за какую ниточку тянуть. Так что ему чихать на их нагловатые взгляды, на уверенный разворот плеч. Их превосходство было

надуманной ерундой. Он мог кивнуть телохранителям, и те разорвали бы их в клочья. Причем с превеликой радостью. Однако никуда не денешься, эти отмороженные порождения Зоны сейчас ему нужны.

И ведь, если честно поковыряться, превосходство у них все же имелось. Эти гады запросто, добровольно собирались сейчас идти туда, куда его людей приходилось гнать чуть ли не палкой. Черт возьми! Они шагали в Зону, как к себе домой. Точнее, как на любимую работу. На этой работе их могло раскатать в кашу какое-нибудь колесное чудище. Могла нарезать кусочками простейшая газонокосилка. А тривиальные железные кустики – автоны – могли переделать в нечто уму непостижимое, в тех самых сталтехов. А им вроде бы на все эти перспективы наплевать с высокой колокольни. Хотя таких древних строений после катаклизма пятьдесят первого года не осталось даже в Москве, все смело к чертям собачьим.

Короче, как ни прискорбно констатировать подобное, но было у этих пришлых превосходство. Их поплевание через плечо на всяческих деятелей Ковчега имело под собой почву. Они просто были спецами. Специалистами особой классификации. Знатоками и служителями Пятизонья. То была их родина и их судьба. Хистер не мог этого долго выносить. Но это был уже не тот Хистер, который оказался в Зоне в момент катаклизма. Тот, старый, усохший морально Хистер, был придурком. Он почти не умел держать в узде эмоции. Действовал лишь по интуиции. Сейчас перед сталкерами стоял другой, изменившийся за эти полтора года Хистер, преобразившийся, может, и не до неузнаваемости, но очень и очень сильно. Поэтому он совершенно не собирался давать своей страже и палачам команду «Фас!». Он собирался использовать этих пришлых для своих целей. Что с того, что по их правилам, то есть за плату? Главное – они выполняют работу. Они добудут сырье, нужное его ученым.

Тем не менее любезничать с этим возомнившим о себе бог знает что отребьем он все же не мог. По крайней мере, долго. Да и какого хрена он должен унижаться до постановки им боевой задачи лично? Пусть это делают сами ученые. Уж те-то в его полной и окончательной власти, как ни крути.

3. Винтовки разного фасона

– Тебе не кажется, друг, что за нами кто-то пристроился? – спросил на бегу Глюк.

– Значит, все-таки там имелось что-то большое, – подытожил Ведич, на ходу изучая показания датчиков и имплантатов.

– И быстро движутся, чуешь?

– Попробуем оторваться?

– Начнем ускоряться, тогда точно в этих гиблых местах наткнемся на что-нибудь мерзкое. Как та группа, – подсадовал Глюк. – Давай. Действуем по нашему плану «Активная оборона». Чур, я первый!

– Да бог с тобой. Ищи местечко для засады.

– Вот кустики ничего, – тут же сказал Глюк. – Давай, дуй. И шуми на бегу побольше. За нас обоих.

– Найду место, дам «пик» мью-фоном! – крикнул на ходу Ведич и помчал дальше, прыгая через автоны.

Глюк не ответил. Он уже пристраивался за обильно разросшимся металлокустарником, чуть в стороне от их маршрута. «Будет дополнительной защитой, – сказал он сам себе. – Если, конечно, там нет чего-то стреляющего навесом». Но пока думать о худшем не стоило.

Сталкер извлек из заспинного подогреваемого чехла снайперскую винтовку «Взломщик». Щелчком разложил ее в полную длину. В былые времена ее калибр считался бы крупным. Все-таки двенадцать и семь десятых миллиметра. Однако появление меха-жизни изменило представление о калибрах. Даже эта громадная «снайперка» имела теперь усовершенствованный патрон. Не патрон даже. Теперь она стреляла маленькими гранатами и обеспечивала прицельную дальность выше уровня тяжелого ИПК.

Даже не шевельнув пальцем, Глюк перестроил забрало шлема на режим увеличения. Это для правого глаза. Левый же начал напитываться информацией от имплантатов и навесных экзоскелетных датчиков. Их преследовала целая

куча механоидов. В первой волне около десятка. Сколько и чего двигалось дальше, пока было неясно. А вот в авангарде преимущественно имелись человекоподобные, «прямоходящие». Бежали они быстро.

– Откуда вы взялись? – спросил Глюк. – Кто вас сюда, в Зону, звал?

Сам он уже распределил порядок отстрела мишеней. Удобство для стрелка в отношении «прямоходящих» состояло в том, что они торчали выше автонов. А вот Глюк сейчас был вне зоны визуального контакта. Он присел, да еще и нагнулся за кустами. Но оружие было снято с предохранителя и готово к бою.

– Разве вам не говорили мама с папой: «Не высовывайся»? – сказал Глюк, развлекаясь. В этот миг ноги его экзоскелета мгновенно удлинились, и он оказался гораздо выше кустов. «Взломщик» был наведен в примерном ракурсе, оставалось только чуть повернуть ствол. Если бы не экзоскелетные усилители, сталкер бы никогда не удержал такую махину на весу, а сейчас он мог обходиться даже без опорной станины. Более того, он даже запросто, без напряжения выдерживал сумасшедшую отдачу.

Две пуле-гранаты ушли в сторону одного из противников – самого быстрого. Они еще не успели долететь до цели, а Глюк повел ствол в сторону второго робота. Еще выстрел, и тут же перенос огня по следующему.

В этот момент самый быстрый как раз получил в лобешник два разрывных патрона подряд.

– Будет сотрясение мозга, – сказал Глюк. – Правда, наука до сих пор не в курсе, есть ли у тебя мозги.

Сам Глюк в это время уже сидел за кустами и с невероятной быстротой менял обойму. Судя по датчикам, преследователей стало на четыре меньше. Не поднимаясь, Глюк передвинулся в сторону, приблизительно на пять метров. Так, на всякий случай. Передвигаться таким способом в экзоскелете было крайне неудобно и тяжело. Но жить хотелось еще долго. Приходилось терпеть.

Левым глазом он сверил распределение целей. Некоторые из железных тугодумов, похоже, остановились. То ли они сами готовились к стрельбе, то ли решали свою собственную дилемму: «Быть или не быть». Сталкер Глюк

проголосовал за второе. Он снова материализовался над автонами и обработал все замершие изваяния.

Обойма истратилась за полторы секунды. Теперь Глюк опять менял позицию, одновременно извлекая очередную.

– Ты, дружок, сходи к мастеровому. Пусть подрихтует плечико да и руку пришьет, – посоветовал он механоиду с километровой дистанции. – И Ханьгу с дырой в груди тоже прихвати. А Задумчивому лучше пусть поменяют всю голову целиком.

По уже устоявшейся привычке Глюк часто давал своим жертвам клички. Запутаться в кличках ему было не дано. Ведь много кличек не требовалось: обычно его противники жили недолго. Если, конечно, слово «жили» можно отнести к представителям механического сообщества. Но как прикажете еще именовать их существование?

– Ух, ты! Надо же, вспомнили, что у них тоже есть пушки, – прокомментировал Глюк. – Ну, значит, ты первый – Расторопный.

Глюк вскочил, послал в цель две пуле-гранаты. Хотел обработать еще одного, с новой кличкой – Рембо, но тут встроенный в костюм датчик сообщил новость. Случайно или нет, но именно в его сторону сейчас навели сразу два переносных лазера.

– Утю-тю, – произнес Глюк и сиганул в экзоскелете в сторону.

– Ловкий, тебе капут! – заявил он, вскакивая с нового места и производя выстрел.

Однако застрявших роботов уже нагоняла вторая волна преследователей, так что целей стало много. Но самыми опасными теперь оказались те «прямоходящие», которые не остановились. С ними надо было что-то делать.

– Скоро ли ты, друг Ведич, займешь позицию? Мне что тут, всю банду давить одному? – спросил Глюк, вовсе не ожидая ответа. Он не выходил в эфир.

Сам он снова сместился. Теперь порядком – метров на пятьдесят в тыл. Оказалось это очень и очень не зря. Два противника – Прохиндей и Фисташка, начали поливать лазерами его предыдущую позицию.

– Отстаешь по секундам, Фисташка, – сказал Глюк и отправил в сторону робота целых три заряда. Может быть, следовало даже больше. Ведь теперь, из-за испарения от плавящегося лазерными выстрелами снега, он не мог видеть противника визуально. Только по датчикам.

– К тому же еще и пуля летит в восходящих потоках пара, – прокомментировал Глюк. – Хрен тут попадешь. Пора переходить к жареным блюдам.

Он убрал снайперскую винтовку в чехол и взял в руки «Карташ».

– Теперь мы с тобой на равных, Прохиндей. Или почти на равных. Подходи, не стесняйся.

В этот момент в мью-фоне пискнуло. Значит, Ведич обосновался в надежной позиции.

– Все понял, – сказал Глюк. – Однако с этим Прохиндеем надо что-то делать. Не даст ведь спокойно ретироваться. Или хрен с ним? Пусть станет первым призом для Ведича? На том и порешим.

Глюк достал из подсумка две дымовые гранаты. Конечно, они были не просто «дымовухами», а маскировали во многих смыслах. И от локаторов, и от тепловизоров – от всего сразу.

Перед его позицией закрубились два непробиваемых облачка. Пользуясь моментом, он помчался через железный кустарник со всей возможной скоростью.

4. Инструктаж (некоторое время тому назад)

– Я ученый. Не мое дело – предупреждать вас о степенях секретности. Тем не менее я должен. Обязали, – сообщил Кварод. – У Ковчега много врагов. Нас очень не любит Орден и его приспешники. Наверное, потому, что мы не чтим Технос и не кланяемся Узлу. А еще, в перспективе, мы хотим и то, и другое стереть с лица Земли. Чем и занимается наш научный блок. – Кварод пожал плечами, как бы извиняясь. – Так вот, господа сталкеры. Очень желательно, чтобы вы не рассказывали всем встречным и поперечным о порученном вам задании. Если такое случится, то... Короче, Ковчег очень не любит, когда его предают. Лично мне вы вполне симпатичны. Не хочется, чтобы на вас объявили охоту без срока давности.

– Зачем нам трепаться, господин ученый? – перебил его Ведич. – Мы ж за деньги работаем, так? Ну и чего ж нам золотую жилу выдавать, сами посудите? Причем мы ведь с ковчеговцами уже имели дело. Пусть и по мелочи.

– И вы ж сами напомнили про Орден, – поддержал друга Глюк. – Так на кой черт нам рассказывать, что мы сотрудничаем с Ковчегом? Не хватало, чтобы «правоверные» Ордена устроили на нас облаву. Мы с Ведичем люди маленькие. Сделал дело, свою долечку получил – «спасибо, господа хорошие!» Откланялись, и баста. Мы ж не салаги, в самом-то деле! Мы в Зоне почти с самого начала. Ну там, сколько-то месяцев опосля.

– Да, я знаю, – скривился Кварод. – Я же сказал – меня обязали. Должен я провести инструктаж по поводу секретности. Вы ж сталкеры вольные, так? Вдруг ни бельмеса в делах служебной и корпоративной тайны нисколечко не рубите? Я и напомнил. И вот теперь будем считать, что инструктаж завершен, и вы всё уяснили. Приступим к делу.

– Так-то оно лучше будет, – закивал Ведич. Напарник Глюк покосился в его сторону. Похоже, Ведич играл перед «общественностью» отработанную роль несколько не догоняющего, что к чему, дурачка. Иногда подобное было к месту, но вот сейчас это могло оказаться перебором. Вдруг этот «высоколобый» решит, что они слишком туповаты для сложного задания, и сделает от ворот поворот?

Однако представителю науки Квароду было на это наплевать. Может, ему, наоборот, – нравились туповатые? Во всяком случае, он уже начал инструктаж:

– Нам, господа сталкеры, требуется одна вещица. Где вы ее добудете, нам, по сути, безразлично. Нам нужен сталтех.

– Сталтех?! – скривился Глюк. – И всего-то?

– Этого добра тут по округе бродит, что собачек нерезанных, – присоединился Ведич. – Ваши стрелки на периметре, наверное, каждую ночь парочку отгоняют подальше. А то и заваливают.

– Разве я сказал, что нам нужен мертвый сталтех?

– Да они и так мертвее некуда, – хмыкнул Ведич.

– Вы будете слушать, или мне доложить начальству, что вы нам не подходите? – веско произнес Кварод.

– Но ведь правда удивительно, господин ученый, – уставился на Кварода Глюк. – Для того, чтобы добыть какого-то сталтеха, снабдили нас супер-пупер «снарягой», научили с нею работать. Это ж сколько денег стоит, а вы нам еще и приплатите за выполнение, так?

– По поводу снаряжения, господа сталкеры. Тут отдельная песня. Снаряжением занимается не мой лабораторный отдел. Но у нас тут конкуренция. Сейчас решается, пускать или не пускать данное ноу-хау на поток. Разработчики говорят «Давай-давай». А вот командование сомневается. Что с того, если его проверили в полевых условиях? Это ж были их собственные испытатели. Так что нужна независимая экспертиза. Вот вы ее и проведете. Только, опять же предупреждаю, причем чисто из симпатии. В аппаратуру встроены всяческие датчики-фиксаторы, шагомеры и много чего еще. Не стоит слишком привирать по поводу их функциональности. В лаборатории после вашего прибытия все четко прояснится.

– Успокоили, отец родной, – улыбнулся Глюк. – А то мы не догадывались, что Ковчег будет присматривать за данным в аренду добром. Ясно, что там чего только не напихано. Будете, наверное, каждый шаг... – Глюк заметил, что лицо ученого напряглось, и добавил: – Всё, господин ученый, прекращаем дискуссию. Я... да мы оба – сплошное внимание.

– Так-то лучше, – устало произнес Кварод. – Я и так сомневался, что сталкеры – еще те придурки. Лишний раз убедился... Все-таки моментами я понимаю нашего фюрера. Жесткая дисциплина – это единственное, что держит цивилизацию в узде. Тем более в условиях Зоны. Но продолжим, господа. И так, нам нужен сталтех. «Живой», функциональный, желательно вообще без повреждений. Однако нам требуется не первый попавшийся. Нам требуется не только-только научившийся двигаться, а «зрелый» образец. Будучи сталкерами со стажем, вы неоднократно встречали такую нечисть. Но нам необходим не просто «зрелый», а определенной степени «зрелости». Тихо, господа сталкеры! Я сейчас всё поясню.

Наша лаборатория исследовала очень много такого «материала». Мы выявили некоторые закономерности. Все знают, что иногда достаточно нескольких суток, чтобы труп человека преобразовался в ходячую машину. И опять же, все знают, что постепенно эта зараженная скоргами «личность» совершенствуется. Движения ходячего трупа становятся все более плавными, все более похожими на человеческие. Нет, еще никогда мы не встречали нанотехнической машины, достигшей уровня человека. Но все-таки, согласитесь, по мере «взросления» этой ходячей жути она становится более развитой. При этом само тело продолжает гнить, мышцы отваливаться кусками, кожа ссыхаться, и тому подобное. Поверьте, господа, я в своей лаборатории наблюдал это и через экран, и непосредственно многие десятки раз. Тут вам до меня далеко.

– Короче, вот что мы определили. Условно процесс переделки мертвеца в сталтеха разбит нами на пять фаз. Нам, для наших новых экспериментов, требуется образец в четвертой стадии. Стадии «гниения», или «преобразования».

– Извините, господин ученый, – не выдержал Глюк. – А как мы определим...

– Сейчас я все поясню, – поднял ладонь Кварод. – Показываю на экране. Вот – стадия «один», вот – «два», «три», и так далее. Вы скажете, между каждой соседней почти нет разницы. Да, внешне она очень незаметна. Именно поэтому мы снабдим вас специально разработанным прибором. Шкала его... или, в данном случае... лампочки будут сигнализировать, в какой стадии преобразования находится сталтех. Сразу поясню еще вот что. Мы десятки раз выращивали этих гадов в специальных клетках. Проверяли все стадии. Просвечивали их сканерами. И так далее. Но нам сейчас нужен этот человекообразный механоид, прошедший все стадии, так сказать, на воле.

И еще одно – более всего нас интересует его голова. Конкретно, мозг. Поясняю для того, господа сталкеры, чтобы вы в процессе ловли не увлеклись. А то начнете колотить его по головушке до нокаута. И нарушите самое для нас важное. Чем, кстати, сведете на нет всю свою миссию. И соответственно не получите оплаты.

– Э-э-э! – ожил Ведич. – Господин ученый. Но вот допустим, мы принесли этого уroda. Отдаем вам. А вы водите своими «рентгенами» и говорите: «Тут это не так, тут сё». Как мы проверим, что вы просто не зажали оплату?

– Послушайте, господа сталкеры, – скривился Кварод. – Если уж вам не платить, тогда лучше вообще убить. Сами поймите. Отправим мы вас несолоно хлебавши. Вы ж всем встречным-поперечным расскажете, что с Ковчегом дел иметь никоим образом нельзя. Так ведь? Да еще и добавите, что и как для нас добывали. А Орден, он не спит. Он спит и видит, как бы нам подложить свинью.

– Хорошо! Успокоили, господин ученый, – унялся Ведич. – А то как-то...

– Продолжим! – снова повернулся к экрану Кварод. – Значит, мы вам дадим датчик. Он определит стадию «преобразования», и если она совпадает, то вы приносите механоида к нам. Учтите, лучший вариант – это стадия номер «четыре» в начальной фазе или в средней. А то в конечной стадии «четверки» всякое может случиться. Пока будете транспортировать, он – «бах» – и созреет до «пятерки». И тогда, опять же, вся миссия коту под хвост.

– А датчик определит эти подсекторы каждой из фаз? – поинтересовался Глюк.

– Да, определит. Для этого ему потребуется предельно близкая дистанция и некоторое время.

– Так-с... – вздохнул Глюк. – А использование «Фрича» будет мешать этому сканированию или не очень?

– Вопрос правильный, – прикусил губу Кварод. – Вообще-то, жидкую субстанцию – «Фрич» – мы вам применять разрешаем. Конечно, не обычный, а «облегченный», тот, что мы вам выдадим. Но все же не увлекайтесь.

– Я спросил чуть о другом, – напомнил Глюк.

– Я понял, господин сталкер, – повернулся к нему Кварод. – В общем, нет. После применения парализующей механоидов субстанции – «Фрич» датчик будет неспособен определить классификацию сталтеха. Так что...

– Так что надо подкрасться к нему вплотную, да еще и постараться не повредить, провести измерения, а уже потом колошматить, – Ведич просто кипел.

– Да, что-то в этом роде, – развел руками Кварод. – Но ведь вам назвали сумму оплаты, так? Неужели, если бы дело было простое, мы бы разбрасывались деньгами? Да и вообще взяли бы наемников со стороны?

– Это резонно, – кивнул Ведич. – Просто жалко, что у нас в Пятизонье нет страхового общества. Неплохо бы перед таким серьезным делом оценить себя в миллион или три. Ладно, давайте уж далее, господин ученый. Это мы так, о своем, о житейском.

– Приборов мы вам дадим, на всякий случай, не один, а два, – продолжил инструктаж Кварод. – Еще, вот карта нашей – Новосибирской зоны. Желательно поймать сталтеха вот здесь или вот здесь, если брать в более широком радиусе. Не стоит объяснять вам, почему и зачем. Но, как говорилось чуть раньше, мы проводили всяческие тестирования достаточно долго и выяснили, что на этих участках периоды «созревания» сталтехов идут в несколько замедленном темпе. Нам такое на руку. Да и вам, как я понимаю. То есть мы упрощаем вашу задачу. В некоторой мере.

– Это честно, – серьезно кивнул Ведич. – Кто бы подумал такое о ковчеговцах?

– Есть еще нюансы, – продолжил лекцию Кварод. – Миссия ваша секретна, и будет не дело, если вы начнете слать мне сюда подробнейшие доклады. Не хватало, чтобы Орден перехватил и поставил подножку. Мы вам дадим определенный срок. В него нужно уложиться. Так что в эфир выходите, когда будете уже вблизи периметра нашего Форта. Ну, или если случится что-то действительно из ряда вон.

– В Зоне каждый час случается «из ряда вон», – ухмыльнулся Ведич.

– Вам лучше знать, – согласился Кварод. – А теперь о кое-каких мелочах...

И лекция-инструктаж продолжилась.

5. Работа по душе

ИПК Ведича начал работать еще до того, как Глюк успел добежать. Где-то на подходах грохнулся оземь прожженный насквозь Прохиндей. Потом еще парочка каких-то безымянных механоидов. Эти были вообще не человекообразной конструкции, но ведь Ведич занял удобнейшую позицию. Он разместился на сопке в снегу. Экзоскелет его поменял цвет и почти слился с рельефом. Портило дело только разное навесное оборудование. Оно так и осталось зеленоватым или черным. Правда, и снег вокруг тоже не был кристально чист и бел. По-настоящему белого снега в Зоне не было никогда. Уже выпадая, снежинки приобретали серо-серебристый оттенок. Может, тут были виновны ядовитые испарения автонов, или весь воздух пропитался микроскопическими нанороботами и снежинки собирали их по дороге. Точно никто не знал. Разве что какие-нибудь ученые.

Со своей возвышенной позиции Ведич мог уверенно отстреливать не только высоких «прямоходящих», но и прочие машинки, прячущиеся за кустиками. Правда, прикрывая отход товарища, он был вынужден вначале обрабатывать не самые удобные для поражения, а наиболее потенциально опасные. Трудился Ведич методично и с виду даже как бы неторопливо. Но это просто казалось Глюку. Ведь он не в шутку сдавал норматив «Скоростное преодоление пересеченной местности в навороченном экзоскелете». Норматив он сдал и, влетев на сопочку, тоже плюхнулся на снег в положение «стрельба лежа». Ведич к тому времени полностью разрядил батарею «Карташа». Благо имелось запасное «Сердце зверя».

Пока он менял батарею, за дело снова взялся Глюк. Где-то вдали остановился, задымил и начал крутиться на месте небольшой колесный механоид с длинной выдвижной штангой, на которой было укреплено что-то напоминающее импульсную двустволку. Глюк сосредоточился и, на всякий случай, перебил этот коленчатый манипулятор. Потом он отключил виртуальный экран-развертку и

осмотрел местность двумя глазами, разыскивая цели. После ратных трудов Вединча скучный до этого пейзаж с кустарником стал очень интересным, в плане разбросанных там и тут металлических объектов. Некоторые, подобно пораженной Глюком колесной машинке, еще шевелились. Следовало оценить обстановку на предмет экономии боеприпасов. Не хватало бы растратить весь неприкосновенный запас на уже выведенные из строя «чугунки». В то же время нельзя было и упустить из виду опасные.

Глюк и вправду отыскал несколько подобных. Он начал их обработку одновременно с перезарядившимся Вединчем. Так же, тандемом, они перелопатили группу насекомообразных механоидов, которые жаждали пробраться на сопку, просачиваясь прямо через металлокусты.

– По-моему, мы отсюда можем сдерживать целый полк этих чугунных тарантасов, – предположил Вединч.

– Воистину так, брат мой, – согласился Глюк. – Никакого представления о стратегии или тактике.

– Кто-то еще бормочет, что эти ходячие сейфы разумны, – заявил Вединч, подкрепляя свое отношение к дебилам, повалившимся в пятистах метрах от сталкеров.

– Не разумнее пылесоса моей прабабки, заставшей еще СССР, – вновь согласился с ним Глюк, одним выстрелом разобрав на запчасти что-то шестиколесное, первично неясного назначения.

– Послушай, друг, а может, нам вступить в Ковчег насовсем? – спросил Вединч, создавая симметрично расположенную дыру прямо между фасеточными глазами чего-то шестиногого, пробовавшего скакать между кустиками. – Там вроде бы платят за каждого уничтоженного механоида. Мы ведь озолотимся.

– Интересно, а каким образом они подтверждают свои победы? – поинтересовался Глюк, отсекая колесо у какой-то невиданной ранее и всего-то двухколесной штуковины. – Что надо принести в Форт «зеленым»? Колесико, лапку, кусок панциря или сплавленные процессоры?

– Не, так, наверное, не пойдет – засомневался Ведич, поджигая нечто скорпионообразное, с перископом на спине. – Начнутся приписки и всякие другие нарушения. Я вот, с одной такой, например... – он как раз попал в нечто о четырнадцати колесах... – могу запчастей набрать столько, что мой портрет надо будет вешать в Форте «экологов» на доску почета.

– И как же быть? – спросил Глюк, уничтожая что-то малопонятное где-то в восьмистах метрах впереди.

– Думаю, обычный фотоконтроль решит проблему. К каждому стрелку приставляем человека с видеокамерой, для отчетности, – предложил Ведич, разделявая очередь какую-то длиннущую механическую штуквинку, снабженную и лапами, и колесиками одновременно. – Жуть-то какая! – прокомментировал он наблюдаемое через оптический прицел.

– Ты прав, – глубокомысленно изрек Глюк, наводясь на совершенно странного механоида, вроде бы с двумя головами. – Я не по поводу фотофиксации. – Он плавно надавил курок. – Я по поводу «жути». Ведь согласись, в последнее время всяких странных меха-монстров развелось просто не в меру.

– Угу, – отозвался Ведич отрешенно. Он был занят: целился во что-то плохо различимое где-то в километре, не меньше.

Вот приблизительно таким образом сталкеры-разведчики развлекались еще минут семь-восемь. Затем, полежав еще некоторое время без дела, они окончательно убедились, что проблема с механической нечистью решена окончательно. Значит, можно трогаться дальше, не опасаясь погони.

6. Риск приемлемого уровня

Ведич с Глюком работали на Ковчег не впервые. А чего бы и вправду не поработать? Риск можно было считать приемлемым. Да и что такое для сталкера – риск? Это даже не просто обыденное, а ежесекундное дело. После Катастрофы 51-го прошло всего-то чуть больше года. Пятизоне еще не стало слишком исхоженным краем. В конце концов, в отличие от былой

Чернобыльской, оно включало в себя целых пять областей. Смерть разной степени сложности поджидала тут на каждом шагу. Можно было умереть, не успев понять, что к чему. Вполне получалось осуществить расставание с жизнью в составе целой команды, а то и в одиночестве. Почти каждый эпизод перехода в небытие был по-своему экзотичен.

Однажды Ведич лично наблюдал, как плохо знакомый ему сталкер, из молодняка, умудрился попасть в гравитационную «Плешь-катапульту», а если более красиво, то «Лестницу в небо». Создалось ощущение, будто парня просто выстрелило куда-то поближе к ангелам. Он тут же обернулся точкой в вышине. Да и ту бы никто не сумел разглядеть, если бы несчастный не орал благим матом. До этого Ведич никогда не думал, что человеческий вопль можно вполне сносно слышать за километр. Оказывается, вполне. Конечно, голосовые связки парень надорвать не успел. Поскольку его сразу вынесло ветерком в сторону от локального участка отрицательной гравитации, и он оказался в обычной власти одной «G». А тут уж его тривиальным образом разогнало и шмякнуло о родимую планету. Что происходит с обвешанным снарягой человеком после падения с тысячи метров, потом можно было посмотреть всем желающим. Парень до конца сжимал в руках автомат Калашникова. Так вот, этот самый автомат пробил его насквозь. Причем двигался он сквозь грудную клетку и прикладом вперед. Ускорение девять и восемь десятых метра в секунду за секунду – серьезная вещь.

Это было даже похуже, чем смерть, которую Ведич наблюдал при пересечении Барьера. Тоже «Физика наяву в иллюстрациях». В Барьере, как известно, три тех же «G». И людям там ох как тяжело. Причем особенно тяжело случалось поначалу, пока не стали применять разгрузочные костюмы. А мужичок, с которым случилось несчастье, был явно чрезмерно упитан. Понятно, те, кто взялся его переправить, рисковали. Но тут риск другого рода. Не своей ведь жизнью. И здесь кто как воспитан. Те, кто привык чужими, обычно перед таким делом, типа переправы «туда» либо «обратно», берут деньжата вперед.

Короче, у мужичка «разгрузка» отказала прямо во время максимума тяжести. Ну и вот. В мужике при нормальной «G» было килограммов сто шестьдесят. Как-то он к этому бремени по привычке и считал, что так и надо. Ну, а теперь это дело скачком умножилось втрое. В итоге получаем сразу четыреста восемьдесят. Минус пятнашку, которую он потерял, потев до того. Но зато плюс девяносто кг амуниции. В смысле, изначальные тридцать. Короче, тут еще и «Арифметика – трагические цифры». Как эту тушу вынуть в нормальный мир, если каждый

вокруг сам себя ел-ел волочит? Ведь большие вещи тут переносят как? Разбирают на малые части, несут скопом, потом собирают, и все дела. Но мужик-то – тушка цельная. Тут руки, ноги отдельно не вынесешь. Да и сколько теперь каждая нога потянет?

Благо смотреть на его муки пришлось не слишком долго. Распластался он, что та медуза. Попробовал пару раз подняться, но потом это вылилось только в дрожание пальчиков. Оказывается, мышцы запястья еще как-то с делом справляются, а уже всякие дельтовидные и трицепсы, те уже никак. Но скоро и грудные перестали нормально работать. Ибо попробуй ребрами с наслоением жира поворочай хотя бы раз по двадцать в минуту. А может, сердечко первое сдалось. Тоже ведь тот еще труд – проталкивать через клапаны потяжелевшую втрое кровь. В общем, процесс взаимосвязанный. И наверное, какие-нибудь патологоанатомы много бы дали, чтобы покопаться в этом дядечке опосля. Определиться, какой из сердечных желудочков сдох первым, и достигала ли насыщенная кислородом кровь мизинцев на ногах или же доходила только до колен. Никто, разумеется, дядечку докторам на исследование не отнес. Так он и остался гнить на той подземной тропке не оприходованный.

Так вот, это только касательно смертей в плане повышенного тяготения. А сколько в Пятизоне опасностей иной специфики? Короче, риск для сталкера – дело повседневное до жути. Ну, а в плане сотрудничества с Ковчегом, попросту добавлялся еще некий процент неопределенности. Тоже специфический такой, с особым душком. Ведь все в Зоне ведали (кроме тех, понятно, кто попадался), что «зеленые» вовсю пользуют рабов. Причем не только в плане тяглово-рабочей силы, а даже как подопытных кроликов, в экспериментах. Вот туда бы Ведичу точно попадать не хотелось. Уж лучше и вправду шлепнуться в мать сыру землю без парашюта, чем помирать от изощренного варварства. Никак не жаждется, чтобы на тебе какая-нибудь докторская шайка-лейка проверяла свои анатомические воззрения.

«Уважаемый коллега, посмотрите, у этого оперируемого почему-то не срастаются полушария, когда я резанул по мозолистому телу. А вот у этого, наоборот, глядите!» «О, как интересно, коллега! Да, тут вполне можно защитить диссертацию. А подайте-ка мне пинцетик, любезный собрат-консультант». Нечто в таком ракурсе.

Но, с другой стороны, если уж Ковчег обращался к наемникам, то дело тут было явно рискованное. А значит, высокооплачиваемое. То есть такое, где собственные

егеря «экологов» почему-то не справились. Значит, сама рискованность операции повышалась в разы. Но зато уменьшался другой вид риска. Ведь сталкерская судьба могла протаскать по Зоне неделю кряду, а прибыли по выходе – ноль. А что? Бывало и такое. Артефакты все же не валяются на каждом шагу. Да и конкуренция с каждым месяцем увеличивалась. Ну, а работа на большую корпорацию явно подразумевала нечто стоящее. В конце концов, в Форте был целый штат исследователей, и вероятность отыскать где-то что-то важное была у них куда выше, чем у сталкеров-одиночек. Вот Ведич и не отказывался от ведения дел с Ковчегом. Да и совместно с Глюком они работали на «зеленых» не в первый раз. Риск оставался на приемлемом уровне.

7. Испытание техники

– Механоида видишь? – спросил Ведич. – Вон он, на «два часа»!

– Наблюдаю, – кивнул Глюк. При этом его туловище качнулось на удлинённых ножных сегментах экзоскелета. – Жирная, упитанная железом сволочь. Что, прикончим?

– Спрашивается: зачем? – поинтересовался Ведич. – Мы с тобой что, уже совсем в Ковчег записались? Это у них хобби – развинчивать каждого шастающего «чугунка». А у нас с тобой на подобное зарядов не хватит.

– И то верно, – согласился Глюк.

Механоид был среднего размера, метра три в длину. Напоминал собой скорпиона. Только лап у него было больше, а хвост наличествовал совсем жалкий, недостойный такой хвостик.

– Вот интересно, – сказал, разглядывая чудище, Глюк. – Ну, лазают всякие экскаваторы. Ну, там автомобили. Это еще можно понять. Ожили как-то волшебным образом, или их скорги выстроили по готовому образцу. Но вот такая хрень откуда выползла? Скорпионы у нас в Новосибирске не водятся. Вроде бы даже в других локациях тоже не тот климат. Разве что в Крыму? Не знаешь, на Украине скорпионы есть?

– Слушай, зоолог-любитель, – прервал разглагольствования приятеля Ведич. – А давай-ка испытаем наш приборчик.

– Так это ж тебе не сталтех, – удивился Глюк.

– Вот и испытаем. Давай только подберемся чуть ближе.

– Ладно. Я его на прицел на всякий случай возьму.

Сталкеры потихонечку двинулись вперед. Подобравшись метров на пятьдесят к «скорпиону», они замерли. Притихли за сугробом. Но механоид на них совершенно не реагировал, делал что-то свое. А может, у него что-то перемкнуло во внутренностях. Кто их, механоидов, разберет? И вот теперь он просто-напросто вытаптывал в округе снег.

– А говоришь, не сталтех, – шепнул Ведич. – Еще какой сталтех! Пятую марку показывает.

– Иди ты?! – Глюк реально удивился. – А может, тут в снегу где-то настоящий притаился? Ты поводи по округе.

– Уже поводил. Механоид это.

– Может, прибор сгорел? Дай-ка, я свой достану. Зверя поддержи на мушке, Ведич.

– Держу.

Глюк извлек свой датчик. В самом деле, когда направление раструба совпадало с механоидом, зеленый глазок на указателе «пять» начинал слабо подмигивать.

– У меня мигает, неровно светит, – доложил он.

– Может, это он на дистанции врет, а вблизи будет тип-топ? – предположил Ведич.

– Я бы не стал подходить к этой дряни вплотную, – сказал Глюк. – И тебе не советую. Мне тут раненых, а то и убитых не хватало.

– Это есть мысль – порождение твоего ума, – констатировал Ведич. – Сейчас проверим. Хлопну я эту крошку.

– Ну, ты кадр. – Глюк быстро убрал прибор и тоже схватился за «импульсник». – А еще кто-то тут вякал о нехватке патронов.

«Карташ» Ведича разрядился в механоида и заглушил сетования Глюка.

«Скорпион» дернулся. Однако не свалился: у него было слишком много ног. Пришлось вмешаться Глюку. Но, даже получив два шикарных попадания, механоид все равно попытался развернуться к своим обидчикам. Два импульсных пулемета ударили еще и еще. Одновременно стрелки поменяли позицию. Потом Глюк прицельно снес механоиду две передние ноги. Тот просел, попытался еще дернуться, но выстрел Ведича в лобовую часть добил живую машину.

– Вот теперь посмотрим, – произнес Ведич, подскакивая вплотную к жертве.

Подошел и Глюк, предварительно осмотрев окрестности.

Оказалось, что на мертвую машину прибор, выданный Квародом, не реагирует никак.

– Что и требовалось доказать, – подвел итог Ведич.

– Неплохой эксперимент, – сказал Глюк. – Только накладный. В плане траты зарядов. Может, ты, сталкер Ведич, возжелал записаться в ученые? Прельстила тебя слава и почет в фашистском гнезде?

– Не стони, – буркнул Ведич. – Подумаешь, чуток постреляли.

– Давай тогда хоть поковыряемся в этих потрохах, – предложил Глюк. – «Сердце зверя» или еще что полезное почему б не подобрать?

– Сомневаюсь я, однако, – посмотрел на продырявленную металлозверюгу Ведич. – Уж больно сильно мы его разворотили, чтоб что-то найти.

– Давай, давай, не ленись. Не пропадать же добру, – сказал Глюк, извлекая из кармана разгрузки инструменты. – Тем более патроны мы порастратили, а у него смотри, какие боковые антенны. Самое то.

Теперь Глюк и вправду кромсал антенные шипы механоида на относительно равные доли сантиметров по пять в длину, а всю нарезку ссыпал в отдельную, притороченную к боковине «скелета» сумочку. Кто-то не слишком грамотный мог бы подумать, что сталкеру зачем-то понадобился металлолом, но это было не так. Основным оружием сталкеров-разведчиков являлся ИПК – импульсный пулемет Карташова. А штука эта, как известно, ценилась во всем мире не только за убойную силу, но и за свою всеядность. Это в плане патронов. Поскольку пули разгонялись не совсем в стволе, а как бы в системе электрических катушек, то в качестве пуль годилось все что угодно. Главное, чтобы оно было приемлемой формы и токопроводящим. Весьма желательна была и некоторая стандартизация размеров. Штуковины разного веса и формы разгонялись в «импульснике» по-разному. Конечно, для прицельного огня и максимума убойной силы лучше всего соответствовали штатные пулеметные патроны, но при их отсутствии в дело шла толстая проволока, гвозди, нарезка арматуры, болты и даже гайки. Пусть вся эта мусорная коллекция выстреливалась не так далеко из-за слабой аэродинамики, однако подобные «богатства» удавалось найти в самых неожиданных местах. Именно пополнением арсенала сейчас и занялся опытный сталкер Глюк. Вообще-то, патронами их экспедицию снабдили под завязку, но мало ли что случается в Зоне.

– Запас, как известно, карман не тянет, – прокомментировал Глюк свои собственные действия. И здесь он был совершенно прав.

8. Внешний периметр обороны

– Ну и типчик, – высказался вдруг Ведич, совсем неожиданно вспомнив Хистера.

– Явно сволочь редкостная, – согласился Глюк.

– Я, честно сказать, все время ждал, что он скомандует своим «дуболомам», что-нибудь типа: «А отрубите-ка, братишки-фашисты, вот этим проходимцам голову».

– Ты знаешь, я тоже, больше не за его лицом следил, а за рукой. Всё казалось, что сейчас она дернется к «импульснику».

– Но согласись, друган, говорит, как по писаному. Заметил?

– Еще бы! Как реченька журчит. И голос такой волевой, уверенный. Заслушаешься.

– Прямо гипноз какой-то, ё-моё.

– Не, а какую речугу про героическую долю трудяг-сталкеров толкнул? Будто загодя готовился целую неделю до того.

– Песня, прямо. Как доблестные покорители Пятизонья – сталкеры штурмуют пустоши и прочие отобранные у человечества местности. Как мы один на один голыми руками бьемся с чудищами. Как приносим растерянной цивилизации небывалые ценности, превосходящие самые смелые разработки ученых. Что только на нас, богатырях и ударниках «локационного» труда, базируется вся жизнь этого бедного, дистрофичного человечества. А еще...

Глюк слушал Ведича и улыбался во весь рот. Еще бы не улыбаться! Они выбрались живыми из главной цитадели самой жестокой организации Пятизонья. Теперь бетонные апартаменты Ковчеге остались за спиной, и можно было поговорить спокойно, не оглядываясь вокруг в поисках осведомителей. И не осматривая ближние стены, разыскивая какие-нибудь подслушивающие устройства.

– А вот Кварод, между прочим, мне приглянулся, – вставил Глюк, когда Ведич подробно и с подковыркой запыхался изображать Хистера.

– Да вроде ничего мужик, – кивнул напарник. – Честно выглядит, по крайней мере. А вот говорит... Ты не заметил, Глюк?

– В смысле, что-то темнит?

– Да, есть такое ощущение.

– Мне кажется, Ведич, что в таком месте, где он живет, надо сутки напролет напрягать голову, чтобы не ляпнуть лишнее слово. А то сразу в кутузку или на воспитательную процедуру. Что это, кстати, как думаешь?

– Вроде, слышал, палками по пяткам колотят, – пожал плечами Ведич. – Или по заднему месту. Хотя у них могут и по голове, наверно. Археология какая-то, прямо. Ретро вживую.

– Еще рассказывали, будто они своих за провинности скармливают скоргам в подвале. Потом, мол, режут, а зараженные «запчасти» продают институтам за барьером.

– Может, бред? Вроде бы Ковчег сам по себе.

– Ага, сам по себе. А откуда бы у них деньги взялись, если с внешним миром дел не иметь?

– Да уж, точно, – снова кивнул Ведич. – Но меня одно волнует.

– «Заплатят – нет?» – спросил Глюк.

– Это само собой, – отмахнулся сталкер. – Меня волнует, что придется к ним снова возвращаться.

– Это точно, – согласился напарник. Теперь оба одновременно обернулись и еще раз посмотрели на гнездовище Ковчеге – Форт. Тяжелые бетонные блоки в кажущемся беспорядке громоздились один на другой. Было непонятно, объяснялось ли такое расположение глыбин случайностью – результатом Катастрофы, или именно такая архитектура и была предусмотрена? То есть вся эта хаотичная постройка – бредовая задумка здешнего фюрера, господина

Хистера. После знакомства с ним такая мысль попросту не могла не прийти в голову.

– Все-таки само собой выстроилось, – высказался Ведич. – Я заметил, там, в двух местах, бетонные штуковины торчат одна из другой. Как будто выросли. Не может же так быть, как считаешь?

– Не знаю, – пожал плечами Глюк. – Здесь же вроде академические строения какие-то были, правильно? Вдруг академикам нравился такой кавардак?

– Не исключено. Зная, что они потом сотворили, этими своими опытами с пространством, можно представить, какая каша творилась в их головах.

– А я вот не представляю.

– Чего ж тут представлять? – хмыкнул Ведич. – Вот посмотри на эту гору бетона, и все само собой представится.

– Попались бы мне эти чертовы ученые, уж я бы им показал кузькину мать, – почти мечтательно высказался Глюк.

– Врешь всё, – отмахнулся Ведич. – Ты ж полчаса назад с этим Квародом распрощался. А чем он лучше тех, что сотворили Катастрофу? Тоже, небось, творит сам не знает, что. Буйствует воображением, и все дела. Чего ж ты его не удавил на месте? Расшаркивался перед ним, в рот заглядывал.

– Что да, то да, – несколько поник Глюк. – Заслушался даже. Он, правда, не так соловьем поет, как Хистер, но зато в какие дебри лезет! Причем легко так. Будто в зоне пониженной тяжести. И главное, потом запросто назад вырывает. Без всяческих этих формул, цифр. Просто, доступно, черт-те чего нам по полочкам разложил.

– Разложил? – подколот Ведич. – А ты хоть чего-нибудь запомнил?

– Обижаешь, – покосился Глюк. – Кое-что запомнил. Правда, не всё смогу сейчас пересказать, это да. Но ведь не всё, что понимаешь, можно потом правильно изложить?

– Это только нам, не очень-то грамотным. Кварод явно сможет передать словами, что хочешь. Завидно даже.

– Нашел чему завидовать, – посмотрел на напарника Глюк. – Пусть он нам завидует. Мы ж, по словам его начальства, основная надежда человечества. А он кто? Лабораторная крыса, так? Что эта крыса будет делать, если мы не принесем ему новую игрушку?

– Что он будет делать, не знаю, – вслух подумал Ведич. – А вот что с ним сотворит Хистер, если он не даст ему то, что требуется, да еще в срок – вот это очень даже любопытно.

– Потому Кварод, наверное, и выглядит обеспокоенно, что не знает, чем все закончится, – подвел черту Глюк.

Вскоре они перевалили холм и поравнялись с передовым оборонительным постом «экологов». Их окликнули.

– Эй! Стоять, бояться! Кто такие!

– Мы вольные сталкеры! – крикнул в ответ Глюк, поворачиваясь к очередному скоплению бетонных блоков. – Недавно к вам прибыли.

– Чего брешешь? – отозвались из укрытия. – Что тут делать вольным сталкерам?

– Слышь, дядя, – вмешался в дело Ведич. – Хочешь со своим фюрером разбираться? Лезешь в его дела?

– Ты нашего лидера не трогай, – сделали резонное замечание с поста. – Тебе до него, как до неба пехом. Пароль говори.

– «Генрих Гиммлер», – отчеканил Глюк.

– Точно, – судя по тону, на посту удивились. – Ну, проходи.

– Слышь, дядя! – остановился Глюк, глядя прямо в амбразуру. – А ты хоть знаешь, кто это такой?

– Кто, кто такой?

– Кто такой Генрих Гиммлер, знаешь?

– Пароль же? – неуверенно отозвался часовой. Затем, не выдержал, открыл верхний люк и высунулся. – И кто ж?

– Темнота, – постучал по шлему в районе виска Глюк. – Родственник вашего любезного Хистера, шеф гестапо и СС, – поучительно произнес он. – Вы ж фашистами значитесь, или как? Хоть героев своих выучите.

– Бред какой-то несет, – пробурчал себе под нос «эколог». – «СС» какое-то. Что за «СС»?

– Совсем темнота, – махнул рукой Глюк. – Глаза б мои не видели. Пошли отсюда, Ведич, скорее.

Так, похохатывая, они и двинулись в путь.

9. Охотники

– И чего будем делать? – спросил Глюк.

– Ты инструкции от «высоколобых» получил? – напомнил Ведич. – Вот и думай теперь.

– Я серьезно спрашиваю, – не удовлетворился таким ответом Глюк.

– А я тебе серьезно и отвечаю, – парировал Ведич. – Почему на последнем инструктаже ты просто воды в рот набрал? Я за всех отдувался. Вот и спросил бы у господ ученых, что и как делать. А то ты больше оплатой, а оно вон как теперь оборачивается.

– Да, дорогой мой напарник, я все больше по этой стороне дела, – проворчал Глюк. – А кому, как не мне? Ты ж у нас благородный и думаешь, что все вокруг такие же. С Ковчегом надо держать ухо остро. Облапошат, да еще останешься им должен.

– Ладно, Глюк, признаю твое финансовое превосходство, – уважительно произнес Ведич. – Ты ведь у нас когда-то чуть не закончил торговый институт. И чего тебе не сиделось на месте. Сейчас бы стал где-нибудь заведующим отделом продажи галстуков. Ни забот, ни хлопот, вокруг молоденькие продавщицы вьются. А ты...

Все эти инсинуации Ведич выговаривал как бы в автоматическом режиме. Сам он был занят рассматриванием окружающей картины. Вокруг вились вовсе не молоденькие представительницы прекрасного пола. Тут было царство механической жизни. В данный момент, в шестикратном увеличении, он следил за группой из четырех сталтехов, устроившейся посреди лужайки автонов.

– Так что будем делать? – повторился Глюк. – Прибор мой «определятельный» ни черта не может разобраться, где кто.

Он сетовал на распознаватель стадии развития сталтехов, выданный учеными. Поскольку монстры сгруппировались плотно, индикация прибора сбивала с толку. Вместо четкого горения единственного диода получалась какая-то последовательно включающаяся гирлянда.

– Ты учти, Ведич, – продолжил Глюк. – Они ж заряжаются от этих кустиков. Будем, как благородные рыцари, дожидаться, когда эти ребяташки все свои батареи наполнят? Чтоб сразиться на равных?

Ведич досадовал. В констатации фактов он не нуждался – сам все видел. Но что он мог предложить? Им велели не отстреливать монстров, а отловить. Понятно, что требовался всего один. Но ведь не любой же, так? Если б любой, то, действуя через оптику аккуратно, можно было бы скоренько отстрелять троих его приятелей, а уже с оставшимся возиться в пинцетном режиме.

– Ладно, – откашлялся Ведич. – Ждать действительно нечего. Разве что новые уроды набегут. Надо бы придумать, как этих любителей электричества развести друг от дружки... Чтобы замерить, – пояснил он после паузы.

- Может, мне привлечь их внимание? – предложил Глюк. – А когда они...
- Когда они пойдут на тебя в атаку, мне станет не до замеров, – перебил Ведич.
- Тогда, может, попробуем брать всех сразу? – произнес Глюк в сомнениях.
- Умники Ковчеха убеждали, что сетка с гарантией выдержит одного, а четырех... – Ведич был в растерянности.
- Тянем резину, Ведич, – Глюк ругнулся. – Теряем момент. Они ведь пока заряжаются, несколько в прострации. Надо...
- Насчет прострации – это теория. Чистой воды теория, – возразил Ведич.
- У тебя есть конкретное предложение?
- Нет, – честно признался Ведич. – Я просто надеюсь, что когда они подзарядятся, то, может, разойдутся в разные стороны и...
- С какого рожна они разойдутся?! – возмутился Глюк. – Давай шевелиться, а?
- Ладно, черт с тобой, – сказал Ведич. – Я подкрадусь с сетью, а ты меня прикрывай, если что.
- Понял, – отозвался Глюк и замолк. Теперь началось дело, болтать стало некогда.

10. Кадровый вопрос

Истерик Хистер поставил себе задачу – круче некуда. Сделать из всех встречных – убежденных фанатиков своей идеи. Или, если не получается, то трупы. Второе случалось чаще. Но, в конце-то концов, таким макаром можно было списать в отходы вообще все население базы Ковчеха – Форт. Так что даже

Хистеру приходилось притормаживать. Максимализм максимализмом, но не полным же идиотом он был! Как всякий пройдоха, он умел приспособливаться к обстоятельствам и выжидать. Порой даже было неясно, эти его истерики с пальбой в окружающих были и вправду истериками или все же спектаклем? Продуманными загодя акциями. Ведь ясное дело, что придурка будут побаиваться больше, чем уравновешенного тихоню. Власть – штука приятная, но есть в ней одна заковыка. Ее требуется постоянно, каждую секунду, удерживать. Двадцать четыре часа в сутки непрерывной балансировки на канате.

Потому к ученым у него был несколько другой подход, чем к прочим окружающим. В самом деле, какой толк делать из ученого последователя нелогичной идеи? Да и как? Как сотворить фанатика из и без того сумасшедшего? Точнее, малость ненормального. Ведь только серьезно тронутый умом мог добровольно явиться сюда во имя науки. Во имя исследования этого самого Пятизонья.

Так что Хистер достаточно быстро понял, что из фанатика науки вылепить фанатика еще чего-нибудь невозможно. Значит, оставались два варианта. Или всю эту интеллигентскую шушеру перебить, или нащупать в ситуации равновесие. Пусть их ученый фанатизм служит его фанатизму. Ведь они прибыли сюда, чтобы изучать Технос и прочие местные чудеса. Вот и изучайте. Только давайте условимся. Будете изучать те сферы, которые и Ковчегу интересны. А иначе попросту не получите ни оборудования, ни электричества, ни материала для опытов. Скажите, господа с высокими лбами, много информации вы добудете в Зоне голыми руками? Да и долго ли проживете без жесткой организации под названием Ковчег?

Конечно, первичный костяк науки в маленьком государстве Хистера составили ученые, случайно выжившие в Новосибирской локации. Все-таки в Академгородке и центре нанотехнологий таких личностей хватало. Правда, больше было всяческих лаборантов и техников нижнего звена. Но ведь и этих можно использовать. Кто-то ведь должен протирать пробирки и собирать исправные приборы из хлама, сохранившегося в превратившихся в груды щебня корпусах института? Вот Хистер и использовал. Надо отдать ему должное. Местный диктатор сразу ухватил, что с техномонстрами простым наскоком не справиться. Тут будет долгая, затяжная осада. А для того, чтобы делать прорывы, нужны мозги. Правда, чудес покуда не случилось. Какой-нибудь универсальной штуковины, способной стереть нежить раз и навсегда, до сей

поры не создали. Ну что ж, значит, надо подождать.

А через некоторое время в Ковчег накатила новая волна научных работников. Это были уже не местные. Не случайно застигнутые катастрофой и чудом выжившие. Новые шли в Зону преднамеренно. Они шли, чтобы вести полевые исследования на местности. Фюрер Хистер с радостью распахнул перед ними ворота. Еще бы не распахнуть. У этих ребяташек горели глаза, а головы были переполнены идеями.

– Конечно, конечно, – кивал им Хистер. – Разумеется, мы с радостью поможем вам с самореализацией. Только вот для начала придумайте, как пристыковать вот это «сердце зверя» вот к такой лучевой пушке. Видите ли, господа хорошие, если у нас не будет надежного оружия, мы не сможем защитить ваши лаборатории от уничтожения. Посмотрите на этих механоидов! Прутся сюда и прутся, как будто тут медом намазано.

И тогда пришлые ученые вздыхали, прикидывали, на сколько времени придется остановить свои разработки, и соглашались помочь. Ну и на кой черт было делать из них фанатиков? Эти тронутые и так прерывали свою работу только чтобы вздремнуть часик-другой. Потому поначалу Хистер вообще не закручивал гайки.

Правда, иногда на него находило. Это когда подчиненные лаборатории очень долго не давали никакой значимый результат. Начинались выволочки. Вообще-то, кое-кого совсем уже нерадивого, на взгляд Хистера, могли даже шлепнуть. Или сослать на каторгу. Была в Ковчеге и такая фишка. А что? Ведь кому-то надо было укреплять бетоном охранный периметр, да и просто чистить сортиры? В конце концов, несение караульной службы на периметре тоже было не сахаром. Особенно в периоды, когда механическая нежить неожиданно активировалась. Тогда на огневых точках становилось предельно горячо. Только успевай подносить боеприпасы.

Но все же что-то, а кадровая политика была в Ковчеге на высоте. Через месяц-другой, если бывший научный работник не окочивался от физической работы или не зарабатывал дыру в отупевшей башке, Хистер приказывал привести того к себе.

– Ну что, умник? – вопрошал он с мерзопакостной улыбкой. – Почувствовал, почему фунт лиха? Ты ж думал раньше, что твоя чистенькая лаборатория, в которой можно в халатике щеголять без какой-либо защиты, тебе изначально природой-мамой дана? За то, что ты такой умненький-разумненький? С какого лешего, дорогуша? Твое изобилие – изотопов всяких, реактивов – это всё только благодаря моей милости. Ну, как думаешь, разумник, теперь ты готов заняться делом? Присоединить наконец тот дурацкий контур вот к той механоидной запчасти? Или еще не совсем? Хочешь еще чуть-чуть потрудиться на расширении пещер?

В ста процентах случаев репрессированный научный кадр тут же кланялся до пола. Был готов трудить голову ради фюрера сутки напролет. Хистер ликовал. Оказывается, управляться с этими высоколобыми проще простого. На радостях он даже прощал им вечные задержки с результатами.

11. Опасная добыча

Какой смысл было пригибаться и подкрадываться на цыпочках? Если не считать редких кусточков, то место было голым, как стол. Даже снег отсюда выдуло почти весь, снесло к ближайшему холмику, на котором как раз и прятались сталкеры. Теперь там остался только Глюк. Имелась надежда, что с этой позиции он сумеет отстрелять сталтехов раньше, чем они разорвут передового разведчика на куски или сделают с ним еще что-нибудь мерзопакостное. Конечно же, отстрел значился самым плохим вариантом. Он проваливал миссию в тартарары. Кто знает, имеются ли в округе еще какие-то сталтехи. В плане, подходящих по нормативу. Вдруг тут как раз те единственные, что подходят?

Однако сейчас подобным размышлениям не осталось места. Ведич ведь не крался по-пластунски и не рыл подземный ход. Он осуществлял нападения с ходу. Благо экспериментальный «костюмчик» Ковчега позволял перемещаться длинными прыжками. Так что он вполне успешно изображал из себя кенгуру. Правда, вместо теплой маминной сумки он готовил для «кенгуренка» сверхтонкую мономолекулярную сеть.

Может быть, слухи о том, что в момент подзарядки механоиды испытывают кайф и не интересуются окружающим, являлись правдой. Но никто из стоящих

гуськом сталтехов действительно никак не отреагировал на появление Ведича. Кто знает, вдруг их сбил с толку его прыгающий скафандр, не ассоциирующийся с человеком? Может, они приняли его за своего? В последний месяц в Зоне действительно обосновалось множество новых видов механоидов. Подумаешь, теперь завелся вот такой вот тушканчик под двести килограммов. Экая невидаль!

Ныне все сервомоторы и амортизаторы «тушканчика» готовы были взречься. Если бы они снабжались голосовым ретранслятором, то пилот Ведич услышал бы сейчас исключительно отборный мат, и в преогромном количестве. В самом деле, ладно уже прыжки над зарослями автонов. Но чего стоит мгновенное гашение инерции, когда нужно предотвратить опрокидывание машины при сбросе скорости до нуля? Сам Ведич тоже испытал все прелести торможения. Он едва не размазался о внутреннюю оболочку экзоскелета.

– А вот и я! – произнес он хрипло, обращаясь более не к замершим сталтехам, а просто приводя себя в норму. Одновременно он поднял правую руку и стрельнул в новых знакомых свернутой в десять тысяч раз синтетикой.

Сеть расплескалась парашютом и накрыла всю группу. А сам Ведич уже перевел экзоскелет в состояние статики и надавил кнопку возврата. Сталтехи, понятное дело, ростом с человека, однако они из совсем другого материала. Не из мяса и костей. Потому и весили соответственно. Ведич же, вместе с оснасткой, весил меньше, чем каждый монстр в отдельности. Потому сейчас экзоскелет уподобился легковому автомобилю, вытягивающему из трясины танк. Стало не до маскировки следов: механические ноги воткнулись в мерзлую землю со всей возможной серьезностью. Они вроде бы даже выстрелили из пяток специальные шипы.

Откуда-то с холма уже неся на помощь сталкер Глюк. Однако еще до его прибытия силовая механика Ведича сумела сделать самое главное – повалить механоидов. К счастью, у нанороботов не получалось полностью копировать всю сложность моторики человека. Они рационализировали, то есть упрощали скелетно-мышечную конструкцию. И сейчас это упрощение сослужило сталтехам плохую службу. Ведь если бы людей внезапно повалили, они бы попытались вскочить. Но сталтехи явно не умели это делать из любого положения. Все же имитация жизни есть имитация.

В эти две с чем-то секунды организм Ведича выдавил через поры примерно литр пота. Можно было подумать, что трудились не сервомоторы, а его собственные бицепсы и трицепсы. Однако соратник Глюк был уже тут как тут и тоже работал. Правда, он не колотил механоидов дубиной. Они, действительно, были не люди, и подобное не имело бы смысла. Глюк последовательно приближал к каждому из сталтехов датчик Кварода. Это было не так просто. Ведь сейчас группа монстров представляла из себя сваленную как попало кучу-малу. Руки-ноги некоторых перепутались. Не хватало еще после столь рискованной возни допустить ошибку и прихлопнуть не того.

Прошло еще пять или шесть секунд. Сталтехи начали не просто шевелиться, а предпринимать какие-то организованные телодвижения. Ведич нервничал все более. Ибо Глюк все еще возился с прибором. Господи боже! Он даже начал проверку пленников по новой. Прошло десять секунд. Сеть все еще выдерживала, но не могло же такое длиться вечно? В конце концов, у кое-каких сталтехов наблюдалось оружие. Однако Глюк всё еще не коснулся «Фричем» ни одного из монстров.

– Действуй, что ли! – процедил Ведич сквозь сжатые челюсти.

– Послушай, Ведич, – обеспокоенно произнес Глюк, – а они ведь все!

– Что «все»? Черт тебя дери! – рявкнул Ведич, не глядя на товарища.

– Они все подходят! – сообщил Глюк, продолжая таращиться в индикатор.

– Кончай троих! Быстро! Спишь, что ли? – прошипел Ведич. Он неотрывно смотрел, как кое-где в сети выворачивает во внешний мир нечто стреляющее и явно импульсное.

Но тут наконец Глюк задействовал перчатку из «Фрича». Это был не «Облегченный фрич» кудесника Кварода, а обычный, давно известный сталкером. Как только пальцы, облаченные в аномальную субстанцию прикасались к кому-то из сталтехов, тот тут же замирал, а что-то внутри него начинало искрить.

– Не перестарайся, – уже более спокойным тоном, но все еще задыхаясь, подсказал Ведич.

– Все! – доложил Глюк. – Остался один. Вроде бы безоружный.

– Вот и славно, – шумно выдохнул Ведич. – Осторожно! Отключаю сеть.

– Готов! – снова доложил напарник.

Ведич нажал клавишу, и прочнейшая сетевая конструкция распалась, рассыпалась в пыль и клочья. Куча-мала стала не такой плотной, и из нее тут же начал выкарабкиваться помилованный ловцами сталтех.

– Пусть поднимется, – спокойно, будто в классе на занятиях, произнес Глюк. – Будет легче работать.

– Проверь его еще разок, – посоветовал Ведич. Сам он уже сжимал механизированной ладонью новый сетевой пускатель.

– Всё в норме. Это «четверка», – отрапортовал Глюк. – Готовлю «сани».

Ведич внимательно смотрел на выползающего из груды аналогов сталтеха. Пылающие красным глазницы ничего не значили. Гораздо интереснее были руки. Слава аллаху, в них ничего не имелось.

– Врукопашную решил сойтись, что ли? – спросил монстра Ведич и пальнул из сетемета прямо ему в голову.

12. Гений

Рэкод был из пришлых. То, что ему после вживления имплантатов и акклиматизации дали это новое имя – ничего не значило. Любой, хоть чуть-чуть прикоснувшийся к науке, после общения с ним понимал: это крупная птица. Наверняка там, за Барьером, он достиг в науке больших вершин. Тем не менее пылающий внутри жар любопытства толкнул его в Пятизонье. Он пришел сюда добывать новые, невиданные во внешнем мире знания. Даже Хистер, который в науке был дуб дубарем, и тот оценил Рэкода с ходу. Как только тот пришел в

норму после имплантаций, Хистер лично привел его в подвал и назначил командующим группой лабораторий. Походя снял с этой должности Бармалея. Тот давно надоел ему щедрыми обещаниями, но вечной отсрочкой результата. Бармалей округлил глаза, но, не будучи дураком, не возмутился. Наоборот, кинулся с радостью показывать Рэкоду новое оборудование, знакомить с сотрудниками. Еще бы – нет! С Хистером были его верные дуболомы. Сто процентов, у фюрера на уме имелся какой-то планчик насчет Бармалея. Если бы тот возмутился, еще неизвестно, чем бы всё закончилось. Может, и каменоломней, а может, у Бармалея тут же отчекрыжили бы бороду и сунули в вольер для инфицированных. Потом его лаборантам пришлось бы ставить эксперименты над бывшим начальником.

Вот так Рэкод оказался главным. И ему бы радоваться, сопеть в две дырочки. А он...

Однако поначалу все шло вроде бы гладко. Рэкод быстро въехал во все разработки. С ходу дал несколько убийственно точных подсказок. Ученая братия только рты раскрыла, они-то бились над проблемами не первый месяц. А Рэкод легко, в два счета, почиркав что-то в блокнотике, указывал, как надо и что не так. За неполную неделю он перенаправил всю массу проводимых исследований. Легко вмешавшись в несколько подготовленных опытов, убедил, что тут все не в лучшем виде. Кое-кто из «старичков» поначалу возмутился. Но быстро притих. Да, сейчас пришлось перенастраивать аппаратуру, по-другому обрабатывать подготовленные образцы. Зато в ближней перспективе это давало значительную экономию времени и сил. Там, где изначально готовились делать одно и то же раз сто, не меньше, теперь удавалось ограничиться десятью. Рэкод как будто видел окончательный результат уже сейчас.

Все остальные супротив него были как бы расчетом у зенитного прожектора. Расчет чего-то ковыряется с тряпками, изолирует провода, только готовится дернуть рубильник и подсветить куда следует. Ну, а Рэкод уже где-то там, в конце луча. Шурует лопатой, откапывая сокровища. За его мыслью было невозможно угнаться. Кварод напрягал оба счетных импланта, задействовал настольный комп для рисования графика. Где там? Все равно чувствовалось, что Рэкод в процессе беседы как бы покуривает на холмике, со скукой дожидаясь, пока все остальные заберутся на горку. Тут он снова берет разгон, а все остальные снова, задыхаясь, пытаются поспеть за ним. Короче, это был метеор в человеческом облике.

Кварод с некоторым ужасом прикидывал, о чем же Рэкод размышляет в свободную минуту. Задачи, поставленные Хистером, он щелкал легко, словно орешки. Пожалуй, иногда он даже намеренно тормозил процесс. Не хватало, чтобы местный фюрер увеличил всем нагрузку. Ученые и так задыхались от проблем. Выигранное время Рэкод использовал для всяческих дополнительных исследований. Они были разноплановы до жути. Но все же Кварод смутно догадывался, что где-то все это должно пересечься. Просто только Рэкод держал в голове весь пазл целиком.

Затаивший обиду Бармалей пытался время от времени подкузьмить преемника. Как-то настроил сотрудников. Типа, почему они должны работать сверхпланово, вне темы?

– А что? – спокойно посмотрел на него Рэкод. – Разве в каменоломнях Ковчега трудовой день короче?

Бармалей тут же заткнулся, да еще и обмочился с перепугу. Он был уверен, что Рэкод доложит о его интриге Хистеру. Однако тот не использовал шанс додаться конкурента. Он находился в другом мире, слишком далеко от банальной войны за должности.

Понявший это Бармалей, очухавшись, снова начал наглеть. Как-то, расхлябанно, во весь голос, чтобы слышали даже в коридоре, спросил:

– А какая все-таки цель у всей этой галиматъи, что мы лопатим внеурочно? Просто вас потешить, Рэкод, или...

Рэкод наклонился к нему и на минуточку сошел со своего Олимпа. Подрулил к электронной доске, набрал «клавой» формулу, строчки на четыре с половиной. Посмотрел, как художник на мольберт с другого ракурса. Тронул сенсорный экран, изменил где-то в степени пару плюсиков на минусы. Снова подъехал к тискающему бороду Бармалею и, пожав плечами, изрек:

– Вот, примерно в таком духе.

Бармалею оставалось только драть бороду от злости.

13. Подстава

- Знаешь, Ведич, о чем я думаю?

- Господи, Глюк! Ты еще успеваешь сейчас думать о чем-то? Или так – развлекуха? – глянул в сторону соратника Ведич.

- Нет, не развлекуха, друг, – произнес Глюк серьезно.

Оба они как раз устроили себе короткий, пятнадцатиминутный привал. Потому что ноги и руки, несмотря на сервоусилители, просто жгло от усталости.

- Ты помнишь, как Кварод ставил нам задачу?

- Ну?

- Тебе не показалось странным, что он точно знал, куда нам надо идти, чтобы добыть сталтеха?

- Может, и показалось, – пожал плечами Ведич. – Но ведь он объяснил, вроде? Они ж, наверное, долго свою статистику собирали. Наверное, знают, где и как Зона расправляется с жертвами, да? Он же говорил что в каком-то секторе она их больше разделяет на запчасти. А в другом что-то еще творит. Так, нет? Надо бы, кстати, потом расспросить его еще разок. Интересные дела ведь, так?

- А мне вот, Ведич, мысль пришла. Всё, наверное, куда проще, – с редкой для него серьезностью проговорил Глюк.

- Говори уж, не томи, – произнес Ведич, прикрывая глаза от усталости.

- А что, если они просто знали, где примерно мы встретим сталтехов нужной – четвертой – «выдержки»?

- Не понял что-то, Глюк. Говори понятнее. Голова плохо варит, – пожаловался Ведич.

– Я согласен, что «высоколобые» Ковчег добыли кучу знаний о Зоне. Установили всякие законы. Ведают, за сколько дней тут или там труп обратится ходячим монстром. Но...

– Не тяни, Глюк, а? Скоро снова топать, а ты все бубнишь.

– Так вот, друг Ведич. Может, Ковчег заранее послал в нужное место несколько парнишек и...

– В смысле? Чего-то я не догоняю.

– Послал в нужное место, в нужное время маленькую группу на «съедение» Зоне.

– Жертва такая?

– Ага, жертва. Послал группу, зная, что она погибнет там-то и там-то. Посчитали загодя. Через столько-то дней трупы превратятся в сталтехов. Вот туда, к нужному месту, в нужное время, нас и отправили.

– Иди ты! Такую хрень придумываешь, – отмахнулся Ведич. Но на самом деле ему стало уже не до отдыха. Он даже на секунду забыл о страшной усталости.

– Я не пойму, Ведич? Ты считаешь, будто Хистер и его свора не могут сделать такую бяку?

– Все, Глюк! Тронулись в путь. Не до гипотез сейчас.

Сталкеры вскочили, проверили поклажу, осмотрели окрестности и пошлепали дальше. Оба некоторое время молчали. Лишь чуть позже Ведич, волокущий «сани», произнес:

– Знаешь, Глюк, если твою «теорию заговора» развивать, то можно изобрести еще более мерзкую штуковину.

– Еще мерзотней? Ну, давай. Удиви меня, – обернулся к напарнику шагающий первым Глюк.

- Группу, как ты и придумал, можно, конечно, послать куда-то в нужное место. Но где гарантия, что механоиды или что-то еще прихлопнет их, как надо лобастым прислужникам Хистера, и именно там?

- Ну, нет таких гарантий, - вздохнул Глюк. - Ну, паранойя у меня. Уж прости, друг.

- Тогда послушай. Сейчас я твою паранойю еще усилю.

- Валяй!

- Для полной четкости плана следовало бы самим прихлопнуть приговоренных. Понял, нет? То есть в нужном месте будет засада. Которой только и надо аккуратненько подстеречь посланных позже.

- Аккуратно, это чтобы не снести голову или чего-нибудь важное? - переспросил Глюк. - Чтоб был всем сталтехам сталтех?

- Да, типа того, что мы транспортируем, - кивнул ему Ведич.

- Интересная получается петрушка, - присвистнул Глюк.

И сталкеры опять зашагали молча.

14. Научные прорывы местного уровня

В общем, Рэкод творил чудеса. День за днем, ночь за ночью. Группа лабораторий выдавала на-гора результат. Да и сама Группа лабораторий расширилась. Это были уже не четыре комнатки с узкими дверными проемами, через которые затащить что-нибудь солидное стало бы еще той проблемой. Теперь у них наличествовало целых три огромных зала. В конце концов, в каменоломнях народец тоже не сидел, покуривая. Ковчег шел в гору. Хистер подминал под себя какие-то спонтанно сложившиеся в Новосибирской зоне группировки. Да и людей прибавлялось. Где своим ходом, а где и на аркане, но в Форте

оказывались новые и новые. Конечно, и расход человеческого материала тоже был немереный. Кто-то не выдюжил имплантации, кто-то попадался под горячую руку Хистеру или кому-то из его приспешников. Ну и, само собой, Зона тоже собирала обильный урожай. Иногда доходило до того, что Хистер самостоятельно ограничивал число экспедиций в глубь локации. Предпочитал нанять «левых» сталкеров. Тут возникал расход на оплату, но зато риск потерять собственную «гвардию» сводился к нулю.

Большим подспорьем на пути к общему процветанию стали и результаты науки. Уменьшился падеж «поголовья» при имплантации новичков. Гораздо большее число людей побывавших в зоне и заразившихся легкой формой серебристой «проказы», возвращалось в строй, а не оставалось калеками. Правда, калек на территории Ковчега не водилось вовсе. Хистер решил данную проблему с ходу и однозначно. «У нас слишком мало ресурсов. И я не потерплю никакого загрязнения общества инвалидами! Убогие слишком сильно замедлят наше движение к цели», – заявил он еще в самом начале карьеры.

Так что «загрязнение» проваливалось куда-то в тартарары. Все, конечно, догадывались, куда и как, но помалкивали. Совсем не хотелось оказаться в тех же отвалах мусора за Фортом, что и «загрязнения». А еще хуже – в Лаборатории. Вот как раз об этом и Кварод, и все научные работники ведали доподлинно. Но, естественно, помалкивали.

Между тем Хистер, как-то умилившись от очередного посещения научного блока Ковчега, повелел именовать Рэкода «академиком». Бармалей кусал локти и едва не наложил на себя руки. Наука, вообще-то, сильная штука!

Короче, все бы у Рэкода так и осталось на мази, если бы он не полез в политику. Нашел, как говорится, дополнительную нишу для самовыражения. Нет, речь не шла о тех несчастных, над которыми он и его коллеги время от времени измывались, ставя опыты. Что-то пришивали, а что-то отпиливали. Это как раз, с точки зрения безграничной экспансии науки, было самое то! Ведь мораль и рационализация никогда не могут идти вперед обнявшись. Всегда приходится лавировать, притирать их друг к другу, искать компромиссные решения. То ли дело, когда мораль просто посылают на три веселых буквы!

Особенно это приятно биологам. Ведь тут, куда ни кинь – везде клин. Как исследовать человека, не оперируя его? Или, например, интересно, сколько подопытный индивид проживет, если у него вытащить почку? Или, как быстро

левая рука достигнет ловкости правой, если ту отчекрыжить? По счастью, Рэкод и его лаборатории конкретно этим не занимались. Все-таки Хистер не руководил ею непосредственно. Просто присматривал. Другое дело, поиздеваться над механоидом. В конце концов, цель всей ученой возни в Ковчеге и сводилась к теме ускоренного истребления этих самых порождений Зоны. Как прихлопнуть их побольше за конечный промежуток времени? Как свести затраты к минимуму, а падеж нанороботов к максимуму?

Однажды Хистер даже размечтался. Типа, а не стоит ли попробовать атомную бомбардировку. Ну, в смысле, в Новосибирской зоне по старой мето?де, а вот по другим локациям Пятизонья, по тем... Народ в лабораториях, когда такое услышал, приуныл до жути. В самом деле, тут и так не продохнуть от всяческих вредных факторов, а теперь еще и разные сепараторы урановые начнут излучать. Однако Рэкод успокоил ученую братию. Не дрейфьте, мол, займусь я начальством. Спасу вас, убогих, от переквалификации в физики-ядерщики.

И ведь, правда, решил проблему. Чего уж он там втирал Хистеру наедине, никто не ведает. Бармалей бы дал бороду выщипать по волоску, только б узнать, что к чему. Он ведь втайне записывал все «рэкодские» прегрешения, вел, так сказать, свой гамбургский счет. Само собой, с Хистером фишка с формулой бы не прошла. После такой шуточки на доске вряд ли Рэкод остался бы академиком. Потому тут действовала другая методика. Иногда из неприкрытого кабинета доносились обрывки вещания академика Рэкода своему боссу.

– Нет, мой фюрер, водородную бомбу сделать, наверное, можно. Но, понимаете, вначале наш Форт надо расширить где-то раз в двадцать-сорок. В общем, занять сооружениями всю Зону целиком. Потом еще надо будет потратиться порядка миллиардов ста. И ведь это, еще не учитывая маскировочных мер! Вы ж понимаете, мой фюрер, что всякие дурацкие организации типа ООН, они ж переполошатся? Начнут к нам сюда слать каких-нибудь инспекторов. Нам что, мало Зоны? Еще со всем миром воевать...

Вот, что-то в таком роде. И слава Спасителю, от атомных прожектов Хистер отказался. Или, может, просто запамятовал, закрутился. Вся научная команда вздохнула с облегчением. Однако у Хистера хватало глюков и без этого. Вот где-то тут и нашла коса на камень, в плане политики.

Рэкод-то, конечно, творил чудеса. Но ведь волшебником он все-таки не был, правильно? А господин Хистер считал, что между наукой и волшебством особой

разницы нет. Подумаешь, вместо заклинаний – формулы! Он ведь как вещал:

– Я вам даю все на тарелочке! Артефакты, приборы измерительные, пою, кормлю от пуза, в конце концов. Вот и вы, интеллигенты ученые, подайте мне на тарелочке результат!

И по возможности, конечно же, подавали. Но ведь у Хистера был аппетит ого-го! Ему порой такого от лабораторий «на тарелочке» хотелось, что волосы дыбом вставали. Иногда академик возвращался от фюрера сам не свой. Видимо, даже запредельные высоты, в которых Рэкод витал целыми днями, не спасали.

– Надо ж быть таким дебилом! – шептал он иногда себе под нос.

А ведь товарищ Бармалей не дремал, только прикидывался. Он всегда все записывал, причем со сверкой по хронометру, фиксировал время. Рано или поздно везунчик Рэкод обязан был споткнуться. Уж слишком высоко он воспарил. Но ведь его ноги по-прежнему волочились по грешной земле. Пусть и зараженной наномашинками.

15. Препятствие

– Кажется, механоид, – проговорил Ведич.

– Уверен? – спросил Глюк.

– Нет, не уверен, – сказал Ведич. – Все! Затаились!

На некоторое время оба сосредоточились на своих датчиках и имплантатах.

– Ни хрена себе, механоид! – наконец произнес Глюк. – Я его без всяких имплантатов слышу.

– Что-то и вправду крупное, – Ведич машинально проверил готовность оружия. Оно показалось ему каким-то слишком игрушечным. – Глюк, слышь! Кинь глаз на

нашего пленного. А то еще очнется не вовремя, когда мы будем заняты на полную катушку.

- Приморожу-ка я его еще разок, - предложил Глюк, наклоняясь над «саночками».

Ведич не ответил. Он всматривался вперед. Что-то вроде бы оттуда показалось. Он явственно расслышал пробившийся сквозь завывание стужи рев. Но ветер сразу же задавил звук.

- Громкая дрянь, - снова выдал комментарий Глюк. - Сейсмограф смотрел? Судя по нему, эта штука прет не слишком быстро. Километров двадцать в час.

- Угу, - отозвался Ведич.

Он продолжал наблюдать. «Снег бы, что ли, прекратился, - подумал он вслух. - Или лучше пусть еще привалит?»

- Что-то мне это ужасно напоминает, - произнес он тихонечко.

- Такие минуты мне всегда напоминают, что мы в полной заднице.

«Глюк в своем репертуаре: ему всё по фигу», - с теплотой оценил Ведич.

- До этой дряни два километра, - доложил Глюк. - Значит, будет тут через шесть минут. Если не сменит направление, то пройдет метрах в ста. Что делаем, друг?

- Умный в гору не пойдет, умный гору... - Ведич заткнулся, впитывая новые данные.

- Да уж! - тихо присвистнул Глюк. - Обойти не получится. Там еще... Раз, два... О! Еще и слева! Еще и справа! Да их, мама моя, сколько?

- Может, «носороги»? - предположил Ведич.

Имелись в виду всяческие «ожившие» после Катастрофы пятьдесят первого самосвалы и грузовики.

– Тяжеловато вроде для «носорогов», – неуверенно возразил Глюк. – Да и медленновато. Может, они в кузова чего-то напихали?

– «Носороги» обычно несутся, будто угорелые, сами не зная куда, – высказал Ведич известную истину. – Да и бегают вместе, а тут...

– Слушай, Ведич. Может, ну его – дожидаться? У нас даже с «санками» скорость-то повыше будет. Отступим покуда. Потом по большой дуге. Ну, потеряем полдня, – уже планировал Глюк. – Что-то меня не тянет с этими тяжеловесами знакомиться. Бронтозавры прямо какие-то.

(Глюк ведьать не ведал, что произнесенное им слово «бронтозавры» со временем не исчезнет. Так и станет бродить по Пятизонью, именно для обозначения того, что к ним приближалось. Лишь будет звучать чуть иначе – «бронезавры».)

– Не хочу я активный радар задействовать, – пожаловался Ведич.

– И правильно, – кивнул Глюк. – Не хватало себя выдать.

Сам он тоже, как и Ведич до этого, проверил оружие. Глянул счетчик зарядов на «Карташе», потом достал и взвесил в перчатке «Страйк». Это уж было совсем смешно, но ржать нисколечко не хотелось.

Тут наконец метель несколько притихла, и видимость резко улучшилась. Всего на десяток секунд, но...

Глюк с Ведичем ошарашенно глянули друг на друга.

– Вот тебе и да! – сказал Ведич. – Как думаешь, механоид, или все же...

– Какой, к чертям, механоид! – перебил Глюк, одновременно высказываясь по вопросу: – Только натуральная военная башка может до такого додуматься. Ты раскраску наблюдаешь? Сейчас вроде зима, или я чего-то не догоняю?

– Пришла зима, но скоро лето, спасибо армии за это, – ни к селу ни к городу продекламировал Ведич. – Вытащить танк из какой-то пустыни и засунуть сюда – в снег. Надо же!

– Если б только один танк, – покачал головой напарник. – Тут, похоже, целая рота... Может, больше, – добавил он после паузы, сверившись с приборами. – Армейский идиотизм предела не имеет. Круглое носить, квадратное катать. Весело, весело встретим Новый год.

– Как же они их в зону-то притащили? Ведь три «жэ» как-никак? – искренне удивился Ведич.

– Но я же тебе только что сказал, про квадратное и круглое, – вздохнул Глюк. – Думаю, с армией связываться мы не будем, да?

– В поставленной нам любезным Ковчегом задаче боестолкновения с гвардейцами не предусматривались, – кивнул Ведич. – Доплаты за подбитые танки не будет.

– Да ты просто герой-панфиловец! – подколот Глюк. – Чем ты их собрался подбивать? С «сердцем зверя» будешь бросаться под гусеницы?

– Так, всё, сваливаем, – неожиданно серьезно сказал Ведич. – Не забудь, что эти военные чудеса могут еще и стрелять. И, как я думаю, достаточно далеко. Подальше, чем наши «ИПК».

– Соглашаюсь с командованьем, – произнес Глюк. – Кстати, ты заметил, что этот танк выглядит как-то не по-нашенски?

– Заметил, кстати, – согласился Ведич, «впрягаясь» в «салазки». – Что-то мне он ужасно напоминает, но вот что?

16. Неудачная экспедиция

Последней каплей оказался сталтех.

Как раз накануне Хистер отправил в зону очередную экспедицию. Задача была простенькая. Разведать такой-то участок. Шугануть оттуда сталкеров. Кое с кого собрать дань. Если попадутся представители Ордена в Зоне – выжечь сволочей дотла. Посмотреть, что изменилось со времен последнего похода. Собрать чуток скоргов, по возможности артефактов. Попадающихся по дороге механоидов истреблять незамедлительно. Словом, все, как всегда.

Но поход оказался на редкость неудачным. Люди вернулись с четверти маршрута, причем меньше половины отправленных. Вначале их обстреляли какие-то неизвестные. Определить, кто, не сумели. Стрелки свалили прочь еще до того, как к ним удалось приблизиться. После боевого столкновения группа недосчиталась троих. Потом, среди ночи, их атаковала целая туча скорго-комаров. Дело, вообще-то, неслыханное, ибо до того считалось, что летающие насекомые Техноса подпитываются энергией от Солнца. Ночью им летать чрезмерно расточительно. Но Зона всегда преподносит сюрпризы.

Насмерть загрызли лишь одного человека, но у многих обнаружили пятна «проказы». Наверное, какая-нибудь самостоятельная группа после такого повернула бы назад, но «экологи» слишком боялись своего лидера. Он не поймет столь мизерной причины для отхода, как нападение «комаров». К тому же понесенные потери не окупались совершенно ничем. Они еще не выявили никаких становищ «диких» сталкеров, не убили ни одного врага, не собрали и щепотки активных скоргов. Они даже не умудрились поймать ни одного летающего ночного гада. По сути, у них не было никаких доказательств, что они вообще куда-то ходили, а не отсиделись за ближним к Форту холмиком, пожевывая паёк.

Потому экспедиция продолжилась. Но, похоже, кто-то ее по-серьезному сглазил. Еще день прошел без приключений. Ночью никто не сомкнул глаз, ожидая новой атаки зловредных букашек. А вот к утру, когда напряжение спало, а настроение улучшилось, из-за холма выскочило целое стадо «носорогов». Никакие имплантаты и никакие сейсмодатчики их почему-то загодя не засекли. Возможно, исчадия Техноса сидели смирно еще с вечера и выжидали момент.

Отряд отстреливался как мог, но тяжелым, зараженным нанороботами грузовикам была глубоко до лампочки слитная стрельба из «ИПК». Стадо прошло по лагерю, словно утюг по мятой майке. Больше десяти человек размазало под колесами. Тяжело травмировало даже командира группы.

Только после этого экспедицию свернули и поплелись обратно, волоча с собой раненых. Назад отряд добирался достаточно долго. Они ведь несли с собой еще и все оружие, а также исправную спецзащиту, снятую с убитых. У командира «носороги» полностью сплющили левую ногу. Но он, благодаря чудовищной силе воли и природному здоровью, не только не умирал, но еще по возможности продолжал руководить. К сожалению, он был одним из схвативших перед тем «проказу». Покалеченный организм не мог сопротивляться как должно. Так что живым его все же не доволокли. Но умер он уже на подходе к крепости Ковчег. Бросать его тело уже не имело смысла, лучше было донести.

К моменту, когда горемычные путешественники дотопали до Форта и попали на глаза фюреру, мертвый лидер уже начал превращаться в сталтеху. Хистер рвал и метал. Но как и за что было наказывать вернувшихся? Расстрелять-то можно кого угодно, но как потом объясняться перед остальными членами организации? Ведь экспедиция оказалась неудачной вовсе не по вине группы. Так сложилась судьба. Если наказывать подчиненных просто из-за плохого настроения, то в следующий раз не удастся собрать добровольцев даже для похода за припасами. Поэтому Хистер сдержал себя и убрал в кобуру «импульсник». Но ведь кипящий в теле адреналин никуда не делся. Его требовалось выплеснуть хоть на что-нибудь.

Вот тогда и случился «инцидент со сталтехом».

– Академик Рэкод, верните мне моего любезного воина, – сказал он Рэкоду. Его дуболомы как раз аккуратненько положили посреди лабораторного зала командира неблагополучного отряда. – Я его очень-очень уважал.

– Он умер, мой фюрер, – скорбно констатировал Рэкод. – Максимум, кем он станет, – это сталтехом.

– Да он был жив считанные минуты назад! – взорвался Хистер, хотя насчет минут намеренно привирал. – Оживите его. Пусть будет даже без ноги. Назначу его почетным инвалидом. Должен же у нас быть хоть один инвалид?

– Это как вам угодно, мой фюрер, – пожал плечами Рэкод. – Но не будете же вы назначать почетным инвалидом сталтеху?

Похоже, Хистер истолковал это как издевательство. Но он снова сдержался и не выхватил «Страйк».

- Сделайте, что сказано, – процедил он и убрался вон.

- Давайте что-нибудь попробуем, – храбро пискнул Бармалей, не высовываясь в первые ряды. Оно и впрямь не стоило. Из тела пораженного «проказой» уже потянулся первый серебристый побег во внешний мир.

- Прошу! – зло предложил Бармалею Рэкод. – Давай, вперед!

- Я это... – произнес Бармалей, запинаясь.

- В штаны наложил? – спросил Рэкод. Но ни ему, ни окружающим было сейчас не до иронии.

- Всем напялить «защиту»! – скомандовал Рэкод. – И дайте плазменную горелку. Хотя нет, лучше «Фрич».

- Но вы же его... – снова пискнул Бармалей.

- Убью, что ли? Так он и без того уже... – огрызнулся Рэкод. – «Фрич» быстрее! Не хватало заразить скоргами всю лабораторию.

Понятное дело, любимчика Хистера он не оживил.

17. Новый пароль

Когда нагруженные и выбившиеся из сил сталкеры приблизились к охранному периметру крепости Ковчега, их окликнули.

- Кто такие?!

- Да ваши, почти родимые! – отозвался Ведич.

- Руки вверх! И эти... манипуляторы тоже.

- Так мы ж с грузом! - возмутился Ведич. - Хистера запроси.

- Ага, нашел дурака! - ухмыльнулся кто-то за амбразурой. - Буду я верховного дергать из-за каких-то придурков. Вот щас пальну из лазерной пушки, сразу у меня признаетесь, кто и откуда. Пароль давай!

- Слушай, воин, - миролюбиво произнес Глюк. - Мы понимаем, у тебя служба, всё такое. Долгое дежурство. Но у нас срочный груз. Свяжись с Квародом. Свяжись только по проводной линии. Тут поблизости целая рота танков прошла, мы даже мью-фоны не задействовали, чтобы не «засвечиваться», на всякий случай. Свяжись с Квародом, а? Ученый такой у вас в Форте.

- Откуда знаешь, кто у нас, кто? - спросили с поста.

- Ну, ты - дыня! Мы ж были тут несколько дней назад! - вспыхнул Ведич.

- Послушай, друг, - тихо урезонил его Глюк. - Потихе тут. А то вправду пальнет. Чего им, в самом деле. Груз мы доставили. Без нас обойдутся допереть последний километр.

- Не шептаться! - рявкнули с поста.

- Наслаждаешься властью, что ли? - спросил Глюк. - Квароду доложи, говорю.

- «Квароду», - передразнили из амбразуры. - Пароль давай! Живо!

- Слушай, - шепнул обеспокоившийся не на шутку Ведич. - А что, если с Квародом что-то того? У них же тут живо можно из милости в бедолаги, так?

- Хватит бубнить! - сделали замечание с поста. - Пароль гони!

- Не стреляет все ж, - констатировал Ведич. - Может, вызвал подмогу?

- Вот и подождем, - кивнул Глюк.

– Чего бормочете, порождения Узла? – на посту по-своему веселились. – Пароль вспоминай. А то вначале предупредительный, а потом снесу бошки.

– Когда уходили, был «Генрих Гиммлер», – решил тянуть время Глюк. – Теперь, наверно, какой-нибудь рейхсмаршал Герман Геринг?

– Откуда знаешь? – удивились на посту.

– Вот что значит увлекаться в детстве историей, – подмигнул Глюк Ведичу. – Как это у них все просто.

Тут вделанный в верхней части дота танковый лючок приоткрылся, и оттуда выглянул давешний знакомый.

– Оп-па! Дела, – констатировал Глюк. – Здорово, фашист! Теперь хоть знаешь, кто такой этот Геринг?

– А то, – расплылся в редкозубой улыбке тот самый часовой, что оказался когда-то последним провожающим. – Это главный немецкий летчик.

– Точно, – похвалил Глюк. – А кто он был еще?

– Еще? – выпучил глаза часовой. – А разве...

– Ага, – кивнул ему сталкер, – у фрицев получалось совмещать много должностей. Он еще был главой государства Пруссия и руководителем штурмовых отрядов – СА. Не знал? Учи матчасть, бестолочь!

– Ты уж его не обижай, – посоветовал Ведич. – А то правда разойдется, начнет палить.

– Ладно, не отчаивайся, – уверенно сказал часовому Глюк. – Подойди прямо к своему главному фюреру и спроси чего-нибудь почитать по теме. Он тебе точно найдет. Может, за любовь к наукам повысит до начальника двух, а то и трех постов. Кстати о птичках, ты ученому – Квароду – сообщил о нашем приходе?

– Да, сообщил, сообщил. Сейчас придут вас встретить.

– Умница, – сказал Глюк и послал часовому воздушный поцелуй. – Мы, кстати, тут кучу скоргов и другой заразной всячины притащили, не хочешь вблизи глянуть?

Часовой сразу напрягся.

– Вы, это... – сказал он, напяливая защитную маску. – Отойти от дота! Немедленно! На пятьдесят метров, – выдохнул он и тут же закупорился люком.

– Храни покой и порядок в Рейхстаге! – крикнул ему напоследок Глюк. – Мы пошли, короче.

Но идти они сразу не смогли, на обоих сталкеров накатилась волна хохота. Эта была разгрузка нервов после напряжения последних дней.

18. Академик Рэкод

Никто не знает, что стало с Рэкодом. Как закончился его жизненный и научный путь. Вскоре после «истории со сталтехом» он попросту исчез. Просто не явился утром в лабораторию. Пришел Хистер с дуболомами. Поинтересовался, что и как. В смысле, поспрашивал, где академик. Спрашивал явно без особого интереса. Так, для проформы. Все поняли – Фюрер затирает следы. Отводит от себя подозрение.

Правда, позже кто-то из приятелей Кварода предположил, что Рэкод сбежал из Форта. Мол, знал, что его ждет за пререкания с Хистером, вот и сделал ноги заблаговременно. Что, мол, ему, с его мозгами, сложно было пройти мимо охраны на входе или через периметр? Кварод был бы не прочь поверить в такую сказку. В конце концов, Рэкод ему нравился. Но он достаточно хорошо знал начальника. Знал, как сильно Рэкод любил науку и как по-настоящему стремился раскрыть тайны Пятизонья. Что ему толку от жизни за Барьером? Это даже если он, задействовав свою гениальность, решит проблему имплантатов. Вне Зоны ему делать нечего. Мир за Барьером слишком досконально изучен, чтобы его интересовать. Здесь, в лабораториях Ковчега, была вся его жизнь и все его

надежды.

Так что, как это ни тоскливо, но следует признать, что он был просто репрессирован. В смысле, тихонько ликвидирован где-то в самых нижних этажах Форта. Квароду очень хотелось верить, что академика просто убили. Быстро и безболезненно. Без всяких экзотических пыток. Хотя, если честно, от считающего себя обиженным Хистера можно было ожидать чего угодно.

Зато кому привалило счастье, так это Бармалею. Ему, правда, не присудили академическое звание, но Группу лабораторий все-таки вернули. Теперь он ходил по оборудованным Рэкодом залам гоголем. И ныне, разумеется, допускались только плановые, утвержденные свыше исследования.

Успокаивало одно. Бармалей не только не был гением, но и вообще не слишком отличался умом и сообразительностью. Так что, действуя достаточно осторожно, его удавалось облапошить. И потому Кварод втайне от коллег пошел по нескольким направлениям, намеченным Рэкодом.

19. Два генерала

Пьянка проходила в духе соревнований. Тут было не до наслаждения изысканной закуской или ароматами коньяка «Наполеон». Как же могло быть иначе, если за столом восседали два генерала, равных по статусу. Хоть здесь, за столом, они должны были наконец разобраться, кто из них круче. До начала пиршества исконно русский Жиров не без основания считал, что в этом состязании у него есть неоспоримое генетическое преимущество. Все-таки русские жили в этом холоднящем климате немало столетий, а одним из способов выживания тут считалось непомерное употребление горячительного. Что против вековой закалки мог значить какой-то французский напиток, пусть и многолетней выдержки?

Но, как говорится, в расчеты вкралась ошибка. Как выяснилось из разговора между делом, израильтянин-то и вправду родился в своих «палестинах», однако его дед и бабуля проживали примерно в этих краях. Так что нынешняя поездка могла считаться для генерала израильской армии чем-то вроде экскурсии на родину предков. Вот и получалось, что Алексей Жиров сразу потерял некоторые

из своих исконных преимуществ. К тому же смелости и упорства Давиду Иващу было, похоже, не занимать. «Что же это получается, – прикидывал про себя генерал-майор Жиров, – припасенного загодя коньячка не хватит? Придется посылать кого-то из штабистов за добавкой?» Вслух он, правда, поинтересовался другим:

– А я вот все равно не пойму, генерал, зачем вам это надо?

– О чем речь, мой русский друг? О предстоящей операции? – сразу отреагировал израильтянин.

Вот ведь гад, после бутылка на брата он совершенно не потерял интуиции и логики, отметил Жиров.

– Точно так, о ней, – кивнул российский генерал с петлицами танкиста.

– О, причин целый ворох! – закатил глаза его израильский коллега. – Причин столько, что нам, пожалуй... – он внимательно оглядел сервированный столик. Закуски на скатерти почти не убавилось, а вот спиртосодержащей субстанции...

– Я, это... – сказал русский, приподнимаясь. – Сейчас пошлю кого-нибудь из своих орлов. Пусть...

– погоди, Алексей Глебович, – израильский танкист вскинул кверху указательный палец. – Сейчас. – Он тоже встал и направился к солидному «дипломату», оставленному на стульчике поблизости. – Ай момент!

«Чего у него там? Тактические карты? – с некоей неприязнью подумал русский. – Нашел время, тоже!»

Однако все оказалось куда веселее. Израильтянин повернулся и продемонстрировал коллеге тяжелую, как броневой снаряд, бутылку «Текилы».

– Ну, заряжай! – скомандовал русский, сразу же светлея душой.

– Нет, вначале договоримся, – остановил процесс израильский генерал. – Давай все же перейдем на «ты»? А? – Бутылку он и вправду держал, как заряжающий перед подачей в казенник – горизонтально.

– О! За это надо, Давид! – обрадовался Жиров. – За это завсегда!

В отличие от боевого снаряда, у которого после скручивания ударника все взрывчатые свойства аннулировались, с бутылкой все происходило совершенно наоборот. Когда колпачок откручивался, она поступала в дело.

– Послушай, Давид, – сказал через некоторое время русский, – а какая фамилия была у твоих предков, когда они жили тут? Ну, не совсем тут, в Новосибирске, но ведь в Сибири, да?

– Они из Омска были, – пояснил израильский генерал. – А фамилия – Иващенко.

– О! Так это вообще хохляцкая, – даже удивился Жиров.

– Все в этом мире так перемешано, – пожал золочеными плечами Иващ. – Да, так ты, Алёша, спросил: «Зачем вам это надо?» Сейчас объясню.

– Знаешь, Давид, – сказал русский, уже с некой опаской поглядывая на быстро пустеющую литровую бутылку. – Может, начнем закусывать? А то, что ж икорке пропадать? С этими экологическими катастрофами лососей этих вообще, считай, не осталось. Наши потомки уже, может, и не попробуют.

– Да, закусить надо, – кивнул израильтянин, как бы принимая перемирие. – Завтра ведь дел видимо-невидимо.

– Во-во, – подтвердил русский. Сам он сейчас размышлял следующим образом: «Что ж я сразу не сообразил, что его хрен перепьешь? На русском же чешет, что тот кавказец. Акцент едва уловишь. Если уж на русском так говорит, то надо было бы сообразить, что и пить может по-нашему».

Тем не менее после небольшой рекламной паузы, в которой уничтожилось сколько-то тысяч икринок лосося, кеты и чего-то там еще, редкостного во второй половине двадцать первого века, соревнование по вместительности нутра на

предмет алкоголя не прекратилось. Но одновременно подтверждалось известное правило: «Пьяные мужчины говорят о работе». Поскольку работа была еще и основным хобби двух невысоких полноватых мужчин, то правило подтверждалось в еще большей мере.

– Зачем нам это надо? – повторил Иващ. – Во-первых! Почему бы не провести большое танковое учение, а? Танкисты ведь без практики чахнут, да?

– Оно-то понятно, – закивал Жиров. – Когда я вижу солдата без лопаты, я тоже зверею. Однако чего ж нельзя организовать на месте?

– Так у нас же там очередной подписанный меморандум с соседями, – пожаловался израильский генерал-майор. – Просто заколебали, между нами, девочками, говоря, этими мирными инициативами. Ну, а территория у нас маленькая. Не успеешь танки из боксов вывести, чтоб на солнышке погрелась, тут же ноты дипломатические отовсюду. Нарушаем, мол, то да сё. Никакой жизни, понимаешь, Алёша! Так еще и договор этот – о сокращении бронеединиц.

– Просто жуть, – согласился русский генерал, нисколько не притворяясь.

Они тут же опрокинули по половинке стакана за эту «жуть», потом снова погоревали над икрой. Израильский танковый ас между тем продолжал:

– Посему наши маршалы порешили, что вполне можно организовать ученье где-то подальше. Ничего лучше ваших русских просторов просто на свете нет. Разве что пустыня Сахара. Так она ведь, опять же, вся под арабами. Ну, а с теми, понимаешь...

Они снова несколько погоревали. Снаряд «Текилы» солидно облегчился.

– Конечно же, тут не только эти соображения. Тут даже научная сложность, – израильский генерал приподнял палец. – Представляешь, при нашем правительстве теперь есть совет футурологов! Занимаются предвидением будущего.

– Да ну?! – удивился русский. – А при нашем вроде только астрологи пока.

– Те у нас само собой, – отмахнулся Иващ. – И я о чем, Алексей. Эти футурологи выдали, что, мол, так и так. Через некоторое время зоны эти российские прорвет, и пойдет нечисть техническая по всему миру.

– Да ну?! – снова выпучил глаза Жиров.

– Не перебивай, Алёша. Погоди! – остановил израильтянин. – И вот если попрет, то было бы хорошо, чтобы наши войска умели с этой напастью сражаться. А где можно получить опыт?

– Так у нас же, ясный пень! – воскликнул русский.

– А я о чем.

Они опрокинули за это прояснение истины. Но тут оказалось, что это только у бутылки уже проглянуло дно, а вот у истины никоим образом. Тут танковые генералы несколько попрепирались из-за того, чей штабист быстрее найдет в ночном магазине нужное. Сошлись на паритете. А покуда два полковника дружественных ныне войск отправились за снарядами, сделали паузу на кофе. Это дало возможность изложить добавочный слой истины.

– Потом, Алексей, тут же еще и бизнес, – разоблачил акул данного дела бесстрашный израильский генерал. – Мы ведь, как догадываешься, одни из лучших в мире производителей всяческой полицейской и армейской снаряди. Мы – страна, в смысле, входим в десятку лучших продавцов оружия на мировом рынке. Ну, а где теперь идут постоянные войны или почти так?

– Э-э... Ты, Давид, в смысле, о Пятизонье нашем гутаришь, да? – предположил русский.

– Конечно, – кивнул израильтянин. – Так почему бы нашему военному бизнесу не получить опыт по ведению боевых действий тут, на месте? Потом, может, вам, а может, и Украине, будем продавать самую передовую технику против механоидов.

– Да? – внимательно посмотрел на друга и соратника Жиров. – А ты механоидов-то видел когда-нибудь, Давид?

– Где ж я их мог видеть? – пожал плечами израильский генерал. – У нас же, слава богу, этой напасти нет.

– Вот переправим технику, тогда увидишь, – глубокомысленно предсказал русский.

Тут как раз подоспело подкрепление из полковников с коньяком.

– Давай! За тех механоидов, которых вскоре увидишь! – произнес Жиров торжественно. – За тех механических гадов, которых ты, Давид, вскоре сокрушишь.

Как же было за такое не опрокинуть, а потом не повторить еще?

20. Наследство

Вообще-то, не очень практичный в обыденной жизни Кварод, в этот раз сообразил очень быстро. Пока другие только гадали: что и почему? И куда, к примеру, делся Рэкод? Никто ведь ничего не знал. Ну, разве что, Бармалей. Этот проныра вполне мог быть в курсе дела. Тем более, ведь именно он через считанные дни встал у руля расширившейся Группы.

Так вот, пока другие гадали, Кварод действовал. Он добрался до компьютера Рэкода. Там, разумеется, все было зашифровано, да и всякие входные пароли никоим образом не пускали в систему чужих. Но ведь одним из увлечений Кварода была именно наука о шифрах – криптография. И пускай в основном он занимался природными – биологическими шифрами, любой шифр, разработанный человеком, был гораздо проще всяческих ДНК. Так что у Кварода имелась куча уникальных логических программ для вскрытия чужих секретов. Конечно, знает он, что с Рэкодом все в порядке, он бы никогда не решился на такое. Но ведь с академиком все было совсем-совсем не в порядке.

Так что Кварод вскрыл защитные системы компьютерного хранилища данных Рэкода всего лишь за пару часов. Затем он все скопировал в свою базу данных. После этого он, видимо, предчувствуя будущее возвращение к власти Бармалея,

уничтожил некоторые подлинники документов. Теперь основные гениальные догадки Рэкода превратились в какие-то обрывки и клочки. Эти невнятные осколки можно было трактовать по-всякому. Но гениальность и четкость мысли Рэкода исчезла из них навсегда. Файлы, явно не относящиеся к непосредственным делам Группы лабораторий, Кварод уничтожил подчистую.

Через некоторое время новый начальник Группы привлек Кварода к извлечению данных из наследства Рэкода. Кварод долго, целых трое суток, изображал активную деятельность. Он вроде бы в поте лица вскрывал пароли и коды. А сам потихоньку сортировал оставшуюся в компьютере Рэкода информацию. Он спокойно «испепелил» еще несколько изумительных теорий Рэкода, не оставив от них ничего. Все это не относилось к первичным задачам лабораторий. И значит, никто не мог хватиться потерянных данных. Да и кому они теперь были нужны? Бармалею? Это ничтожество никогда бы не решилось сделать шаг вправо-влево от указаний Хистера. Все, научное наследство Рэкода просто заморозилось бы навсегда. А то, чего доброго, попросту бы уничтожилось, уже совсем безвозвратно.

Но теперь оно было в надежных руках.

Кварод не собирался делать на наследии Рэкода карьеру. Когда-нибудь, в неведомом будущем, он вообще намеревался опубликовать все догадки Рэкода с указанием. Но это потом, когда он сумеет вырваться из-под власти Ковчег и каким-то чудесным образом обосноваться в нормальном мире. За пределами Пятизонья. Это было какое-то невероятное будущее. В настоящее время оно ему даже не снилось. Что он будет делать за пределами локаций? Чем займется? Все его научные планы базировались на пребывании здесь. А значит, на взаимодействии с Ковчегом.

Но в Ковчеге, с его загнанной в узкую лузу наукой, было слишком тесно для провидений Рэкода. Ну, а теперь, значит, и для Кварода. Волею судьбы именно он стал истинным наследником Рэкода. Не наследником должности, а наследником духа. И потому именно Квароду следовало продолжать прерванное на взлете дело.

21. Спецзадание

– Господин генерал, – обратился к Алексею Жирову особый уполномоченный. – Как ни жаль, но вам придется повторить увеселительное мероприятие с вашим новым другом.

– В смысле? – не дрогнул ни одним мускулом на лице настоящий русский генерал-майор.

– Вы вчера хорошо с ним посидели, установили контакт. Хвалю, – благосклонно кивнул Иван Иванович.

Ну, это в документе типчик с майорскими погонами значился Иваном Ивановичем Липкиным. В действительности он мог быть Иваном Альбертовичем, а быть может, и Альбертом Ивановичем. Вот фамилия его почти соответствовала истине. То есть более всего данному господину подошла бы фамилия Липов. Поскольку и сама фамилия, и майорское звание на погонах были именно липовыми. Однако по этому поводу вовсе не стоило данному липовому майору липовых сухопутных войск хамить или даже чрезмерно активно с ним пререкаться. Ибо, хоть он и являлся липовым от головы до пят, тем не менее состоял особым уполномоченным Президента России.

Служба особых уполномоченных при армейских структурах появилась, вообще-то, задолго до катастрофы 2051 года. Причем за пятнадцать лет своего существования служба разрослась, разветвилась и весьма сильно укрепилась. Одна из ее ветвей работала под прикрытием. Вот таким несложным, маскарадным, как было у данного майора. Кроме того, существовали еще и официальные особые уполномоченные, а также, предположительно, неофициальные, глубоко и надежно законспирированные. Например, именно в момент, когда Иван Иванович напомнил, чем занимался Жиров вчера вечером, у генерал-майора возникла мысль, не является кто-то из приближенных к нему полковников, бегавших вчера за коньяком, как раз таким тайным уполномоченным президента?

В общем, хамить майору было нельзя. Но ведь вполне можно было с этим невоенным старшим офицером немного, почти по-шуточному, попререкаться, а в процессе вроде бы принципиального спора кое-что уточнить для себя.

– Позвольте, Иван Иванович, а какова цель новой пьянки? – с невинным видом поинтересовался Жиров. – Спить израильского представителя? Довести до

белой горячки?

– Ну, что вы, что вы, Алексей Глебович, – кривовато улыбнулся уполномоченный. – Зачем же нам международный инцидент?

– Мало ли, – пожал плечами генерал. – Вдруг потребуются, покуда его будут отхаживать врачи, спереть у супостатов три-четыре этих самых доработанных «Меркавы».

– Интересно, зачем? – уставил на Жирова свои кристально честные, голубые глаза президентский направленец.

– Допустим, для музея Вооруженных Сил, – не задержался с ответом генерал.

– А... Разве что для музея, – почему-то затуманился взором уполномоченный. – Кстати, вы в курсе, Алексей Глебович, что специальная военная экспедиция, работающая в Московской зоне, добиралась до упомянутого музея?

– Да, что-то слышал, – промямлил Жиров, досадуя на себя. Надо же, затронул какую-то секретную область. Не хватало взыскания от начальства за это невинное высказывание. Потом хрен докажешь, что просто болтал с майором, безо всякой задней мысли.

– Так вот... Очень, между прочим, интересно и даже загадочно. – Пришлый майор закурил, не спрашивая разрешения у генерала. – Добрались до этого музея. А там здание вполне выстояло. Только в стенах огромнейшие отверстия. Ну, и ограда исчезла, понятно дело. Все ж металл. А техники нет вовсе. И кстати, танки всякие с тех пор вроде бы видели там и там. Вполне так в исправном виде. А бронепоезд как-то сгинул. Никто его покуда не засекал. Вы тут ничего не слышали?

– Я?! Ну что вы, откуда. Здесь же не Московская зона, – пожал плечами Жиров.

– Я к тому, что эти сталкеры бродят и там, и тут. Вдруг доходили какие-либо слухи. – Липкин стряхнул пепел в пепельницу. – Кстати, если дойдут, дайте знать.

– Без проблем, – кивнул Жиров.

– Теперь, по поводу того, зачем нужно организовать еще одно «мероприятие» с этим израильским генералом, – уполномоченный снова уставился на Жирова своими голубыми глазами. – Интересный типчик, этот Давид Иващ. Ой, интересный. Мы тут его дельце подняли. В том числе совсем секретную часть.

– Герой войны, – подсказал непонятно зачем Жиров.

– Герой-то, герой, – согласился Липкин. – Но фрукт еще тот. Не простой крендель. У него завязки с оружейными корпорациями. И, ой, непростые завязки. Ой, непростые. Короче, господин генерал, нам надо, чтобы вы его напоили. Хорошо напоили. Попросту, споили.

– Хе! – крикнул танкист, как-то сразу повеселев. – Тут уж извините, майор. Уж увольте, пожалуйста. Не спойте его. Уж я точно не смогу. Может быть, вас в генеральское переодеть, и уж вы... Вы ж помоложе вроде, а?

– Это не моя компетенция, – сразу как-то подтянулся Липкин. – Никак не моя. Вам придется, генерал. К тому же вы с ним теперь как бы кореша. Так-с, нет?

– Вроде того, – снова кивнул Жиров. – Но я ж не поэтому отказываюсь. Совсем не поэтому. Его, и вправду, не спойте. Я вот думал, эти евре... израильтяне, они со стакана рухнут. А этот... гад эдакий... В общем, его хренушки свалишь. Как железный прямо.

– Это вы правильно заметили, – неожиданно согласился Липкин и снова задумался. – Но мы ж не зря его дело поднимали. В том числе и по медицинской части. Оказывается, ему перед поездкой... Точнее, в период подготовки, вшили специальный аппарат. Он расщепляет и нейтрализует спиртное, что тот пони.

Жиров внимательно посмотрел на уполномоченного, удивившись странному сравнению.

– Короче, в этот раз все будет по-другому.

– Вы хотите сделать ему перед тем новую операцию и извлечь...? – генерал Жиров даже похолодел. Он представил, как его нового товарища шмякают по фуражке чем-то увесистым где-то на штабной лестнице, затем дают бешеную дозу наркоза (как тому самому пони) и срочным образом оперируют прямо на месте.

– Зачем же так грубо? – успокоил его Липкин. – Просто в соседнем помещении включим направленный электромагнитный излучатель. Вшитый приборчик не сдохнет, но временно отключится. Причем никаких сигналов об этом не выдаст. Ну и останется мелочь, Алексей Глебович. Вот вам списочек вопросов, которые требуется задать товарищу. Не перепутайте последовательность, пожалуйста. Это как бы специальный тест.

– Вы будет писать все разговоры? – спросил Жиров.

– Само собой, – пожал плечами уполномоченный. – Но вы этим не заморачивайтесь, Алексей Глебович. Совершенно не заморачивайтесь. Вы на спецзадании. Тут все допустимо. Можете хоть президента нашего ругать последними словами, если это поможет расположить к себе собеседника.

– Понятно, – потер подбородок Жиров. – А если он не расколется? Не станет отвечать?

– Тут уж вы постарайтесь, генерал Жиров. Уж постарайтесь. И не переборщите сразу. А то свалится пьяным физиономией в салат. И что тогда толку? Вопросыки изучите, – продолжил инструктаж Липкин. – Прямо сейчас изучите. Чтобы, если чего, уточнения ввести до того как. Другу своему, понятно, заранее позвоните. А лучше лично поймайте его прямо на его позиции. Он как раз свои танки снова обнюхивает. Касательно тематики вопросов, можете присочинить, что-то из личной жизни. Изобразить из себя лицо, заинтересованное в сотрудничестве с их военно-промышленным комплексом.

– Э-э, постойте! – всполошился Жиров. – А если он меня вербовать начнет? Тогда как?

– Да пусть вербует! Вы уж добейтесь потом, чтобы у него наутро так головушка раскалывалась, что все эти вербовки виделись ему только в страшном сне.

– Понятно, – сказал Жиров.

«Был я просто танкистом, а теперь буду еще и разведчиком», – подумал он про себя.

22. Служение человечеству

Дальняя перспектива представлялась Квароду приблизительно такой: механоиды, нанороботы – все эти микробные и большущие чудовища, всё будет покорено. Ведь не разум же все это, в конце концов? Нет, не разум. Если бы и вправду был разум, то какие там сталкеры? Какие поклонники Узла и прочие? Да и военные даже? Их бы всех смело, как надоедливую мошку. Да и вообще... Разум на кибернетической основе! Он бы тут всё подчистую, вообще всё-всё переделал. Наверное, уже бы и из Зоны вырвался. А как иначе? Разум – это экспансия. Экспансия вширь. Так что не разум, никак не разум. Или пока не разум. Из-за чего, кстати, следует торопиться еще и еще более.

Итак, перспективы. Поскольку вся здешняя экзотика – это просто природа нового вида... Подумаешь, не на основе углерода. Не дышит кислородом и не делает еще того и сего. Главное! Дает новое потомство, борется за сырье, за территорию, за энергию. Имеет что-то подобное инстинкту самосохранения. Да, и что значит «подобное»? Просто имеет инстинкт самосохранения, и всё. Короче. Это та же природа, только на другой основе. А что человек разумный – так называемый хомосапиенс – сделал с природой-мамой? Он природу-маму поимел. Нагнул и взял, что хотелось.

Сейчас перед хомосапиенсом такая же задача. Просто новая природа поопасней на вид. Но ведь и тигры страшные! А где теперь те тигры? Сидят в клеточках, никуда не рыпаются, мявкают по команде в цирке, выпрашивают кусочек колбаски.

Со временем именно так будет и с механоидами. Ну, пусть не колбаску станут просить, а к розетке подключиться. Когда мы их покорим, в подчинении человечества окажутся неисчислимые полчища слуг. Слуг нового вида. Им не страшен ни лед, ни пламень. Их можно будет забросить на другие планеты, на Луну. Заставить там, в безвоздушном пространстве, строить для человечества

прекрасные города под куполом. Трудясь днем и ночью, они добудут ненужный им самим кислород. Изготовят пищу и... И вообще.

Ах, да! Сейчас он, Кварод, служит не человечеству в целом, а фанатикам Ковчега. Ну что ж с того? Ученый должен уметь работать в любых условиях. Он должен найти толстосумов, желающих заполучить что-нибудь эдакое. Хистер желает получить... Легче ответить, что господин Хистер не желает, чем перечислить обратное. Ограничим задачу. Чего желает Хистер в случае окончательного покорения механической жизни? Тут понятно и без транспорта. Хистер желает увеличения своей власти до уровня всего Пятизонья. Лучше, конечно, всей планеты. Но здесь придется подождать разрешения еще некоторых загадок. Например, почему нанороботы неспособны распространиться за Барьер? Наука, кстати, над этим... Ладно, тут чужая область, не его, Кварода.

Значит, дилемма такая. Если он – командующий лабораторией Кварод – служит явным фашистам, то плохо ли это для человечества в целом или хорошо? На первый взгляд, вроде бы плохо. Но это дилетантский, непродуктивный подход. Надо смотреть вглубь. Вот во Вторую мировую войну некоторые физики работали на Третий рейх. Предположим, они бы и в самом деле создали атомную бомбу? Что с того? Ну, упала бы она, допустим, на Лондон. Пусть даже Москву. Что Москве-то? На нее вот Пятизонье все равно свалилось. И так, и так ее смело подчистую и без всякого Гитлера. Правда, на сто лет позже. Но это уже нюансы. Что для человеческой цивилизации сто лет? Короче, даже если бы у «арийцев» оказалась бомба, ничего принципиального бы не случилось. Все едино, со временем фашисты бы образумились. Поутихли. Стали бы гораздо лояльнее. Потому как иначе нельзя. Не может никакое общество много десятилетий кряду быть на взводе. Все равно бы отказалось от перегибов и стало гуманней. Пускай и со временем.

И потому, даже если сейчас он, Кварод, служит Ковчегу, от результатов его работы будет благо всем. Тоже, понятно, со временем. И если он чего-то добьется, разумеется.

Вот таким образом мечталось иногда Квароду. Мечталось между делом. Потому что у командующего лабораторией Кварода дел тех было невпроворот.

23. Тяжелое утро

Генерал-майору Жирову было тоскливо. Уполномоченный Президента РФ жал ему руку, хвалил, а ему было ужасно не по себе. «Черт возьми, а ведь такой человек, – размышлял Жиров. – Такой человек! Герой войны! Да не просто войны. Настоящей атомной войны. Слава богу, не мировой, а всего-то локальной. Но ведь всё едино, атомной! Тот, кто сумел провести свои танковые колонны через сметенный ядерными запалами Суэцкий плацдарм. Один из трех героев, удостоенных бюстов при жизни в Тель-Авиве, за полный разгром 1-й Египетской ударной танковой группы. И этот человек...»

– Не, ну вы молодец, Алексей Глебович, – тряс головой уполномоченный. – Всего ожидал. Даже не очень верил, что у вас получится. Но так лихо раскрутить этого израильского монстра. Да вы просто прирожденный разведчик, генерал! Просто прирожденный! Я-то вначале в режиме онлайн, понятное дело, слушал. А потом уже в записи. Ну, просто песня, как вы его. А как вы ему пообещали добыть схему новейшего нашего танка Т-170 «Истра»? Это попросту находка!

– Да я думал, у них она есть, – оправдывался Жиров. – Как-то мне казалось, что...

– Есть, понятное дело, есть! – отмахивался Липкин. – Но ведь им же интересно поймать вас самого на чем-нибудь. Вы им схемку, они вам – денежку. А ведь все заснимут, так? Вот и компромат против вас, генерал-майора. А после уж будут требовать, что им самим нужно, а не то, что вы предложите. Такая вот практика, известная.

– Слушайте, – дергался Жиров. – А он сам-то, Давид этот, ничего в онлайн-режиме не передавал?

– Не, не передавал, – успокаивал Иван Иванович. – А если б и передавал, то мы все равно бы заглушили. Типа того, что «воздействие Зоны». И пускай механоиды живут в Зоне Барьером, может, их эманации электрические и сюда добираются, так?

– Это правильно, – кивал генерал. – Я ж ему тоже что-то в таком роде заливал. Все ж по вашей бумажке.

– Правильно, Алексей Глебович, правильно, – сиял уполномоченный. – Вы его просто заставили расслабиться.

– Да уж, заставил, – кивал тяжеленной головой Жиров.

– Кстати... – внимательно всматривался в его лицо уполномоченный, – может, минералочки? Не, лучше пивка! А что? Вам, товарищ генерал-майор, можно. Вам все можно! Вы ведь после ночного боевого задания.

– Как насчет ста грамм? – генерал Жиров удивлялся своей собственной наглости. Но ведь можно было оправдаться тем, что все еще немножечко пьян.

– Сей момент! – аж подпрыгивал на стуле законспирированный под майора уполномоченный. – Хлебните. Вот и сольце, пожалуйста! Закусите... Я вам очень наставительно рекомендую – закусите.

Генерал Жиров закусывал. В голове чуточку прояснялось. Потом он вспоминал про «друга Давида». О господи! Он сейчас на морозе готовит к переправе свои тяжеленные танки. Жив ли он вообще? А ведь ему сегодня придется проходить через Барьер! И в связи с переправой целой бригады, может быть, даже не один раз – туда и сюда.

У русского генерал-майора снова начинала трещать голова.

24. Следы первопроходца

Кварода не мучила совесть по поводу утайки наследия Рэкода. С кем было делиться этими гениальными догадками и прозрениями? С Бармалеем? Или с парой его приспешников? Конечно, в лабораториях встречались и настоящие ученые. Они прибыли в Зону по своей воле, чтобы изучать новое. Но не всем из них можно было доверять. За время жизни в Ковчеге Кварод научился разбираться в людях. Раньше все они были для него как бы на одно лицо. Люди не были его специальностью. То ли дело – генетический код! Однако обитание в Форте кое в чем поднатаскало Кварода. Иначе здесь просто не выжить. В маленьком государстве Хистера можно было попасть под репрессии за

нечаянно сказанное слово. Так что изгаляться в правдивости перед первым попавшимся не стоило. Да и вообще, всегда и везде нужно оставаться начеку. Вот Кварод и оставался. Он ведь хотел жить, да еще и продолжать свои научные изыскания.

Короче, по наблюдению Кварода, полностью довериться в Группе лабораторий было некому. Тот чрезмерно болтлив. Другой болтлив избирательно. То есть докладывает обо всем увиденном и услышанном начальству. Еще кто-то, несмотря на всю ученость, полностью проникся идеологией Ковчега. Этим доверять нельзя ни в коем случае. Они сдадут тебя из чисто идейных соображений. Кое-кто, наоборот, еще не успел потерять принесенные из-за Барьера наивность и простодушие. Эти бы заложили Кварода из истинного возмущения его поступком по присвоению чужой информации. В общем, посвящать в свои планы было некого ни в одной из лабораторий.

Но пока и не надо было. Ведь, чтобы продолжить изыскания Рэкода, их следовало для начала изучить самому. А материалов имелась целая гора. И когда только Рэкод успел все это напридумать?

Кварод погрузился в изучение наследия академика. Приходилось забирать из жизни еще толику сна. А куда деваться? Ведь в сутках, даже в Зоне, всего-то двадцать четыре часа. Никто не освобождал его от плановых работ. Лаборатория пахла на Ковчег, как проклятая. Тем более теперь, без гения Рэкода, они гораздо чаще, чем раньше, упирались в тупик. Приходилось начинать исследования по новой. А Хистер совершенно не желал понимать, почему и как произошли задержки. Ему требовался результат, только результат. Как-то, после одной из выволочек, даже Бармалей поседел за одну ночь. Наутро он явился в лабораторию с совершенно белой бородой. Вначале все думали, что он ее покрасил. Да! фюрер Хистер умел нагнать страху, в этом ему не откажешь.

Потому изучением трудов предшественника Кварод занимался помимо основной работы. А наследие было просто глобальным. Чем только не интересовался академик Ковчега Рэкод. И когда только успевал?

25. Утяжеленная голова и пустая фляжка

Генерал-майор Иващ и в самом деле страдал сейчас безмерно. Кстати, пострадать по-нормальному, чтобы в постельке, с компрессом на лбу, о таком он не мог даже и мечтать. И в другие времена не получалось, а уж ныне – тем паче. Надо сцепить зубы и держаться. Причем сцепить так, дабы было не слишком заметно со стороны. Правда, может, пару раз и сорвался некстати, наорал на подчиненных не к месту. Но простят, наверное? Все ж день сегодня и вправду суетный. Кстати, это спасало. То, что суета, и вообще. Не позволяло сосредоточиться на вчерашнем. Что же он вчера выболтал этому русскому? Или ничего не выболтал? Вроде бы, наоборот, это он практически завербовал Алексея Жирова. По крайней мере, помнится, что к контакту с определенными ведомствами тот готов. Нечист на руку, и прочее по списку. Кажется, он обещал схему «Истры». Правда, разведка уж год тому схему Т-170 Иващу демонстрировала, но лиха беда начало!

Да, но ведь было что-то еще? Но что? Неужели спьяну выболтал этому Жирову секретные планы вторжения? То есть о том, что командование понимает – танки будут заражены. Но этого оно и добивается! Если их удастся выволочь обратно, то, может, у Израиля наконец-то появятся образцы наножизни. И не проболтался ли он, что есть распоряжение тайно загрузить десяток-другой механоидов в отсек пехоты «Меркав». Не хвастанул ли он русскому коллеге, что эти отсеки у нескольких танков специально переделаны? Что за счет сверхохлаждения ученые Тель-Авива надеются доставить скорги и прочее в свои лаборатории в целехоньком виде? А еще не сказал ли он, что пара танков, вместо дополнительных снарядов, напичканы под завязку сложнейшей аппаратурой, которая будет фиксировать все электрические и прочие поля этого Пятизонья?

На некоторое время генерал-майор впал в непростительную для военного задумчивость. Боже правый! Кажется, он растрезвонил этому русскому, что еще парочка «Меркав» должна намеренно сбиться с курса и угодить в Узел. А уже оттуда в какую-нибудь другую зону. Ведь изначально политики жаждали провести эти учения в Московской зоне, но тут русские уперлись, встали за Москву, как в сорок первом прошлого века. Не сказал ли он «другу Алёше», что для этой цели даже будут запланированные неувязки с GPS-топографией? Точно генерал не помнил. Каким-то образом последующий ночной кошмар перемешался с реальностью. Может, он вообще ничего такого Жирову не говорил? Нет, что-то о танке Т-170 «Истра» они все же обсуждали. Ах, да! Обсуждали то, что русские тоже решили перебросить пару десятков единиц бронетехники, дабы поддержать... Ага, поддержать! Держи карман. Просто, опасаются, что мы тут задумали их расклятушую локацию захватить. Установить там контроль.

Кстати, а что? Может, и вправду захватить? Чем они нас выбьют, если мы там закрепимся? Установим связи с этим местным царьком – Хистером. Правда, вот это пункт самый сомнительный. Ковчegovцы – вроде бы наци, и уж кому-кому, но преимущественной национальности государства Израиль с ними связь не установить. Но, с другой стороны, было же распоряжение в бои с этими фашистами намеренно не вступать и районы их дислокации обходить. Главное, не проговорился ли он русскому еще и насчет этого? Если проговорился... Ведь русские, по первичной разведывательной информации, хотят чужими руками жар загрести. Использовать израильские танки для зачистки Новосибирской зоны не только от механоидов, но еще и от «зеленых» Хистера.

Господи, спаси! Неужели он выболтал Жирову что-нибудь о контракте с промышленниками. Тогда надежда одна: может быть, русский сам ни черта не помнит. На фиг тогда доклад о его вербовке. Пусть лучше ходит по свету спокойно и доблестно служит своей заснеженной стране.

Короче, если бы не заботы, периодически выдирающие Давида Иваща из тягостных раздумий, то он бы просто чокнулся. А ведь голова лопалась не только от мыслей. Сколько же они с этим Алексеем Глебовичем выдули? Видит Бог, когда возвращусь на родину, разнесу эту лавочку, вставившую приборчик для нейтрализации спирта, в пух и прах. Ведь заверяли, что все будет тип-топ даже при смертельной дозе. Наврали сволочи! Все-таки пить на равных с парнем, родившимся в этой снежной стране, это действительно опасно для жизни. Но все же, как болит голова! Кажется, гораздо меньше болела, когда десять лет назад преодолевали отравленный радиацией Суэц. А ведь переправа через Барьер еще только началась. Радиация покуда только...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/berezin_fedor/dopros-s-pristrastiem

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)